

Александр ВАРГО

ЗАКОПАННЫЕ

*Нет ничего страшнее,
чем машина с решетками на окнах...*

MYST. Черная книга 18+

Александр Варго

Закопанные

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Варго А.

Закопанные / А. Варго — «Эксмо», 2017 — (MYST. Черная книга 18+)

ISBN 978-5-699-95271-7

Группа очень опасных насильников и живодеров едет в автозаке в суд. По дороге на машину нападает неизвестный человек, и все маньяки оказываются на свободе. Ночь они проводят в лесной землянке. В тесной норе, в кромешной тьме вместе оказались людоед, любительница отрезать головы и садист, а позже к ним присоединился еще и егерь, одержимый маниакальной идеей закапывать людей заживо...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95271-7

© Варго А., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Часть I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Александр Варго

Закопанные

Все имена, события и географические названия в данном произведении являются вымыслом автора, и их малейшее совпадение с реальностью является случайным.

*День прошел, и ночь, короче,
Всем вора́м – спокойной ночи!
Пусть приснится в эту ночь
Дом, овечка, баба голая на печке,
Водки таз, об амнистии – указ!*
Лагерная поговорка

Друг – не гриб, сердцем не выберешь, глазами не найдешь...
Поговорка

© Варго А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Часть I

*Томская область, Сосновский район,
Исправительная колония строгого режима № 8.
11 августа 2016 г., 10.12*

Когда последний заключенный, подгоняемый пинками, взобрался в древний автозак, массивная стальная дверь конвойного отделения, через которое осужденные, кряхтя и матерясь, по очереди пробрались в предназначенную для них клетку, с лязгом захлопнулась.

– Ты че, не с нами? – скрипучим голосом спросил у конвоира чернявый зэк с изжелта-серым лицом, испещренным оспинами. Чуть раскосые, маслянисто-угольные глаза смахивали на свежие капли смолы. Заключенный нахально, почти в упор разглядывал конвоира, который с непроницаемым лицом вешал на петли здоровенный замок. Вырывавшееся сквозь зубы сипло-неровное дыхание охранника могло трактоваться как симптомы астмы, так и как следствие длительного курения. У него было лоснящееся от пота круглое лицо, а мясистый подбородок пылал от раздражения после утреннего бритья. Аромат одеколона перебивал кисловатый запах пота.

– Ты не с нами, девочка? – с невинным видом повторил чернявый.

По крупному лицу конвоира скользнула тень, брови медленно сдвинулись к переносице.

– Не с вами, – обронил он, защелкивая замок. – Вам и без меня не будет скучно, ушлепок.

Зэк обхватил толстые прутья своими заскорузло-грязными пальцами. Он намеревался огрызнуться, не желая оставлять последнее слово за конвоиром, и уже открыл рот, чтобы отпустить скабрезную шуточку, но не успел – внезапный и сильный удар резиновой дубинкой по пальцам заставил его резко отшатнуться. Мужчина издал хриплый возглас.

– Ты... гнида слякотная! – захлебываясь, вопил он, тряся разбитой рукой. – Паскудник гнойный!

Охранник холодно усмехнулся:

– Еще одно слово, ушлепок, и я надену на тебя «браслеты», которые пристегну к твоим вонючим ходулям. Хочешь?

Зэк молчал, с ненавистью глядя на охранника.

Старлей чихнул.

«Чтоб ты сдох, тварь», – читалось в пылающих яростью глазах уголовника.

Конвоир с удовлетворением кивнул и, спрыгнув на землю, с грохотом захлопнул тяжелую дверь спецавтомобиля.

Раздался сухой, надсадный кашель. Кашлял второй зэк, по кличке Нос, чей собственный нос был свернут набок, превратившись в бесформенную лепешку. У него были светлые, рано поредевшие волосы и худое бледное лицо. Когда приступ утих, он привалился к стенке автозака и задремал. Приоткрылся рот с потрескавшимися губами, из которого вырывалось несвежее дыхание.

– Телега старая, колеса гнутые, – процедил Ходжа. – А нам все по херу, мы е...тые, – добавил он. Он дул на распухшую руку, с бешенством глядя на место, где только что стоял конвоир.

– Оно и видно, – хихикнул еще один заключенный, которому на вид было лет сорок пять. Неровно подстриженные, сальные волосы вспотели и свисали влажно-липкой паклей. Рыхло-грузное тело, облаченное в изжеванную робу, мало отличалось от набитого требухой полиэтиленового мешка. Зэк постоянно облизывался и что-то беззвучно бормотал, словно читая молитвы. Маленькие глаза, спрятанные за толстыми линзами очков, подслеповато щурились, как если бы в его лицо бил яркий свет.

– Ты, Сава, заткнись, – сплюнул чернявый. Он уселся на скамейку, намертво вмонтированную в пол. – Тебя забыли спросить, валенок.

Сава испуганно мигнул, по-черепаши вжимая голову в покатые плечи. Спорить и возражать не имеет смысла, потому что разговор с чернявым может закончиться разбитыми очками. Это в лучшем случае.

– Ходжа, угомонись, – вмешался четвертый заключенный. – Все мы в одном флаконе.

– Угу, – фыркнул Ходжа. – Только едем мы на экзамен¹ по разным делам. Саву могут по УДО² отмазать, а нам лишний срок...

– Угомонись! – повысил голос зэк, и чернявый по кличке Ходжа послушно замолчал.

Зэк, оборвавший Ходжу, неподвижно сидел на скамье, сцепив крупные пальцы рук в «замок». Он сидел спокойно, почти безмятежно, но мелькающие в темных глазах короткими всполохами искры выдавали громадное напряжение. Губы тонкие, словно сложенные бритвы, по виску змеился неровный шрам, захватывая небритую щеку и опускаясь к подбородку.

Со стороны казалось, что осужденный слеппен из двух совершенно разных людей. Крепкое, поджарое тело тридцатилетнего мужчины разительно контрастировало с угрюмым, землистого цвета морщинистым лицом. Ввалившиеся, окруженные черными кругами глаза были похожи на потускневшие осколки стекла. Равнодушно втоптанное в осеннюю грязь, это стеклянно-колючее крошево холодно мерцало, как умирающие звезды.

Двигатель автозакзатаррахтел, сухие отрывистые хлопки разбитого глушителя навевали мысли о выстрелах.

– Если бы в этом драндулете двери были такие же, как глушак, – пробормотал Ходжа. Травмированные дубинкой пальцы распухли, и он беспрестанно дул на них. – Тогда бы эту колымагу мы по винтику разнесли. Да, Зажим?

Он бросил взгляд на крепкого зэка.

Зажим не удостоил Ходжу ответом.

Выругавшись, Ходжа с отчаянием топнул по полу, оббитому стальным листом.

Старый «ГАЗ» несколько раз встряхнуло, будто автозак разминал мышцы, и наконец автомобиль тронулся.

Ходжа, помаявшись пару минут от безделья, плюхнулся на скамейку рядом с Зажимом.

– Че такой смурной, земля?

Мужчина смерил чернявого презрительным взглядом.

– А мы что, в цирк едем?

Ходжа нервно хихикнул и вытер мокрый от пота лоб – духота в автозаке стояла невероятная.

– Да, впереди экзамен. Судилище, – сказал он, рассеянно глядя на зэков, разместившихся напротив. Сава, грузный увалень, молча таращился куда-то под ноги, продолжая шевелить губами. Щербатый зэк, по кличке Нос, дремал, запрокинув голову назад. Из уголка рта тянулась слюна, слабо поблескивающая при скудном освещении моргающих люминесцентных ламп.

Выдержав паузу, Ходжа прибавил чуть тише:

– А я ведь знаю, за какое дело на тебя новый срок хотят повесить, Зажим.

Уголовник медленно расплел пальцы из «замка».

– И че с того? Я тайны из этого не делаю.

Слова давались ему с трудом, словно их приходилось выдирать щипцами.

---

¹ Суд (жарг.).

² Условно-досрочное освобождение (здесь и далее – примечания автора).

– Мокруху на меня вешают. Девки какой-то малолетней. Якобы когда в хату к одному мажору залезли, под руку попалась.

Ходжа поскреб затылок.

– Н-да? А я другое слышал.

Зажим искоса посмотрел на собеседника, но тот не торопился продолжать.

– И? – наконец не выдержал Зажим.

Ходжа загадочно усмехнулся, и зэк неожиданно вцепился ему в воротник мятой рубашки:

– Говори.

– Зажим, я...

– Говори, трепло! Или прямо здесь шею тебе сломаю, – процедил зэк. – И никто не успеет даже икнуть. Мне уже плевать, кроме своих штанов, терять нечего!

– Пусти! Пусти, Зажим! Я скажу!

Крепкие узловатые пальцы Зажима неохотно разжались.

Ходжа потер шею, опасливо отодвинувшись в сторону от всплывшего уголовника.

– Прошел слух, что к твоей мокрухе еще «лохматый сейф»³ могут прилепить, – осторожно произнес он, стараясь не встречаться глазами с Зажимом.

– Это все порожняк, – угрюмо проговорил он, сжимая пальцы в увесистые кулаки. – Понял? Не докажут они!

– Да я ничего и не говорю, – поспешил согласиться Ходжа. – Это ж слухи, Зажим. Мало ли кто языком мелет.

Заметив, что к их разговору внимательно прислушивается рыхлый зэк в очках, он прикрикнул:

– Че локаторы выставил, чмошник?! Заняться больше нечем?

Сава отпрянул, словно увидел змею.

– Это все порожняк, – с ожесточенным упрямством повторил Зажим. – Порожняк и фуфло.

Ходжа с беспокойством обратил внимание на дергающееся веко осужденного – нехороший признак. Он уже начал жалеть, что вообще поднял столь щекотливую тему. Ну, накопили что-то еще на Зажима, ему-то какое дело?! Своих проблем мало? Ему тоже, кстати, светит нехилый срок – в прошлом месяце вертухаи его с «герычем» взяли, которым он даже вмазаться-то толком и не успел...

– С такой картинкой⁴ я не вернусь в зону, – неожиданно сказал Зажим. Скрипнув зубами, продолжил: – Экзамен дерьмо. Мне все равно вкатают лишний срок, им бы только палку срубить. Как бы я себя не обелял. А как только «воронок» нас обратно на зону доставит, меня наши тут же опустят, а потом пропуск на небеса выпишут. Сечешь, Ходжа? Никто на мои прошлые заслуги не посмотрит.

– Тебе грамотный врач⁵ нужен, – посоветовал Ходжа. Подняв голову, он уставился на стальной люк, расположенный на крыше.

«Если бы можно было вылезти через него на волю», – мелькнула у зэка шальная мысль.

– Врач? – услышал он пренебрежительный голос Зажима. – А чем башлять за его труды? Я похож на богатея?

– Не похож, – отозвался Ходжа, продолжая взирать на люк. – А так... Он тебе всякие умные бумажки бы накалякал и весь этот гребаный суд завалил бы ими... дело бы заволоки-тили...

---

³ Изнасилование (жарг.).

⁴ Статья Уголовного кодекса (жарг.).

⁵ Адвокат (жарг.).

Неожиданно Сава, сидящий смирно и тихо как мышь, вздрогнул, словно осененный какой-то догадкой.

– Бумажки, – заторможенно повторил он.

Ходжа и Зажим одновременно посмотрели на него, во взглядах сквозило неприкрытое отращение, словно перед ними была раздавленная крыса.

– Че тебе все надо, баклан? – спросил Ходжа. – Вечно суешься не в свое дело.

Ничего не ответив, Сава кряхтя согнул свою толстую ногу. Когда его ботинок оказался на краешке скамьи, он сунул руку в отворот брючины и извлек из складки материи наружу крохотный бумажный квадратик.

– Письмо тебе, Зажим, – сказал Сава, выдавив вымученную улыбку. – Рома Печорский просил передать. А я, старый дурак, забыл. Памяти совсем не осталось.

– Мать моя в кедах, – пробормотал Ходжа, глядя на аккуратно сложенное послание, так странно белевшее в чумазой ладони эка. – Малява⁶ от Ромы?! Сава, тебе, видать, совсем жить надоело?! Мешок с дерьмом! Где ты раньше был, валенок?!!

– Ходжа, отстань, – велел Зажим. – Дай сюда.

Сава торопливо передал письмо, словно оно было заразным. Бумажный квадратик был тщательно обмотан белой ниткой, в центре послания желтело аккуратное пятнышко застывшего воска – защитная печать.

Зажим недоверчиво уставился на письмо.

– Рома Печорский? – переспросил он. – Какой у него интерес по мою душу?

Ходжа пожал плечами.

– Загороди меня, – хриловатым голосом потребовал Зажим. – У вертухаев камера в кабине.

Ходжа послушно выпрямился, нависнув над приятелем.

Зажим торопливо разорвал нитки и, развернув послание, впился жадным взглядом в миниатюрные строчки:

«Привет тебе, Зажим, и всем бродягам, что с тобой. Будете проезжать Горянку – не щелкайте клювом. Вас будут ждать. Идите по зарубкам. На восьмой сделайте перерыв, там поужинайте. Идите вместе, мне нужны все. Особо берегите то, что в стакане. Буду возле Сирени. Доктор»

* * *

Конвоир, отдуваясь от натуги, влез в кабину и громко чихнул. Мелкие капельки слюны попали на лобовое стекло автозака, и он стер их рукавом.

Водитель, худощавый мужчина лет шестидесяти с короткими седыми волосами, повернул ключ зажигания, наградив старлея неодобрительным взглядом.

– Будь здоров.

– Ага. И тебе не хворать, Митрич.

– Мало того, что инструкцию не соблюдаешь, так еще меня всяким чахоточным триппером заразить хочешь, – пробурчал водитель.

– Извиняй, Митрич, – пропыхтел охранник, усаживаясь поудобней. Укороченный «калашников» он пристроил на коленях. – Простыл маленько. А что ты там про инструкцию вспомнил?

Водитель мотнул седой головой в сторону кузова.

– Так твое место вроде там, Слава.

Конвоир засмеялся:

---

⁶ Записка (жарг.).

– Насмешил. Посидел бы сам там хоть полчаса, Митрич. Дышать нечем, жарища. Один на тебя туберкулезными слюнями кашляет, второй бычками дымит, третий пердит... В бочке с селедкой и то комфортней.

– Дык каждый из нас свое дело делает, – рассудительно сказал Митрич. – Знал ведь, чем заниматься будешь. За то тебе и зарплату платят. Согласен? Коли назвался груздем, полезай... сам знаешь куда.

– Знаю, – сказал старлей, перестав улыбаться. – Только достало уже все, Митрич.

Он снова чихнул.

«ГАЗ» вырулил на разбитую дорогу и, подсакивая на ухабах, поехал в сторону города.

– Достало? – переспросил водитель. – Слава, ты еще молодой мужик. Ладно я, без образования, всю жизнь баранку верчу... Выбор-то у человека всегда есть. Или я не прав?

– Эх, Митрич... – вздохнул старлей. – Не все так просто, как кажется на словах. Ладно. Посмотрим, кто тут у нас... – пробормотал он, вытаскивая из папки пачку документов.

– Антон Юртаев, кличка Ходжа, 29 лет. Кража, разбой, хранение наркотиков... Дмитрий Савичев, кличка Сава, 47 лет. Смертельное ДТП по пьянке... На УДО мужик претендует. Что ж, на зоне впервые, все шансы у него есть. Так-так, идем дальше... Валерий Сохнов, кличка Зажим, 33 года. Рецидивист. Три грабежа, тяжкие телесные со смертельным исходом, сопротивление полицейскому... Хм... а теперь еще в придачу убийство и изнасилование. Девчонку-малолетку угробил.

– Вот гнида, – не выдержал Митрич.

– Еще та, – кивнул конвоир, перелистывая документы. – Ну ничего. Готов спорить на что угодно, что его «двадцатка» превратится в пожизненный срок. Получит, как пить дать.

– Получит-то получит, – проговорил водитель. – Только ребенка этим не вернешь. А эта падаль будет до конца своих дней среди таких же упырей жить. А мы со своих зарплат налоги платить, чтобы они, значит, без обеда не остались.

– Вряд ли он будет жить, – не согласился старлей. Он в очередной раз чихнул, зажимая нос рукой.

– Будь здоров.

– Спасибо, – вытирая рукавом выступившие сопли, ответил тот. – Так о чем это я? Ага, о Зажиме. Завалят его скорее всего. По понятиям нашего контингента, наша зона – «правильная». Так что за изнасилование, тем более малолетки, его точно кончат. И остался у нас...

Послышалось шуршание бумаги.

– Александр Бойко, кличка Нос. 31 год. Убийство.

Конвоир сощурился, приблизив к глазам листы досье на уголовника.

– Этого на экспертизу.

– Кого убил-то? – поинтересовался Митрич, следя за дорогой.

– Девочку одну, школьницу.

Охранник сунул документы в папку и застегнул ее на «молнию».

– И не просто убил. Следаки считают, что он потом съел ее. Правда, это еще доказать надо. Вновь открывшиеся обстоятельства, в общем.

Митрич покачал головой:

– Тьфу ты, мать честная... Час от часу не легче. Может, его лучше в «стакан»⁷ было определить? От греха подальше?

– Не-а. «Стакан» уже занят. Забыл, что ли?

Старлей опять чихнул.

– Да что ж ты будешь делать, – проворчал он. – Вконец расклеился.

---

⁷ Одиночная камера в автозаке размером 0,4–0,5 кв. м для заключенных, которых по той или иной причине необходимо изолировать от общей массы заключенных. Иногда в «стакан» помещают женщину.

– Ты вроде сегодня хотел пораньше уйти? – спросил водитель.
– Ну да. Мишке моему семь лет стукнуло.
– Поздравляю, – тепло улыбнулся Митрич. – Совсем взрослый пацан.
– Это да. Так вот, мы наших архаровцев как в город доставим, меня Пашин сменит, я начальство предупредил. Обратно с ним поедете.
– Да без вопросов, – пожал плечами водитель. – День рождения сына – дело святое.
– Ну и, само собой, завтра с меня «поляна».
– Это как сам решишь, – отозвался Митрич. – Я, как Герасим, на все согласен.
Они умолкли, глядя на дорогу.

До города было еще сорок километров по пустынной, выжженной солнцем дороге, и каждый из мужчин думал о своем.

Только никто из них даже предположить не мог, какие непредвиденные события произойдут в самое ближайшее время.

* * *

Зажим поднял глаза на замершего Ходжу. Затем перевел взгляд на Саву.
– Это что за хрень?!

Сава испуганно заморгал.

– Зажим, я ничего не знаю, – нервно проговорил он. В сотый раз облизнул воспаленные губы. – Я не при делах. Мне просто Рома Печорский это передал. Сказал, чтобы...

– Ты читал это? – перебил его Зажим.

Сава с такой энергичностью замотал головой, что, казалось, вот-вот и у него хрустнут шейные позвонки.

– Там же печать, – робко произнес он, но Зажим уже и сам видел, что напрасно волновался насчет вероятного нарушения конфиденциальности письма. Печать-то он сам сорвал. К тому же вряд ли этот рыхлый увалень решился бы вскрыть послание, да еще от авторитетного вора. Кстати, тому самому Доктору, передавшему эту маляву, Зажим в свое время очень помог в одном важном вопросе. Может, Доктор таким образом решил отблагодарить его?!

– Что там? – сгорая от нетерпения, спросил Ходжа, и Зажим молча передал ему послание. Уголовник быстро прочитал, и глаза его расширились.

– Надо же, кто нарисовался... Сам Доктор... – промолвил он, возвращая записку Зажиму. Затем повернулся к Саве:

– Где ты раньше был, валенок?

– Я... я... – проблеял толстяк, вжимаясь в скамью, словно намереваясь слиться с ней в единое целое. – Зажим, я просто забыл! Сукой буду!

– Почему Рома сам мне не передал маляву?! – прорычал Зажим. Ходжа осторожно положил ему руку на плечо, но зэк резким движением скинул ее.

– Зажим, остынь, – зашептал Ходжа. – Сбавь обороты – вертухаи могут прослушивать. Сава в больничке вместе с Ромой Печорским лежал. Видать, маляву Доктор по своим каналам Роме передал, а тебе ему проще всего было ее через этого валенка переправить. Тем более ты в пресс-хате⁸ тогда куковал. Забыл, что ли?

Зажим неохотно кивнул.

– Доктор-то на воле, чувствуешь? – взволнованно продолжал Ходжа. – Значит, это не подстава! Видать, решил доброе дело сварганить, молодцом!

– Чего делать будем?! – с трудом держа себя в руках, спросил Зажим. Он выглядел совершенно растерянным.

---

⁸ ШИЗО (штрафной изолятор), *жарг.*

– На рывок надо идти, Зажим, – заговорил Ходжа, приблизив свое болезненно-желтое лицо к ээку. – Как Доктор пишет. Иначе крышка нам. Тебя за «лохматый сейф» кончат полюбому. А мне за «герыч» еще лет восемь накинута. Это к моей «десятке». Живым уже из зоны я не выйду, только ногами вперед. Так хоть подышу вольным воздухом! Пусть хоть неделю, месяц! Все же лучше, чем в этом отстойнике гнить! Доктор пропасть не даст, точняк говорю!

Видя, что Зажим вновь и вновь перечитывает письмо, он, воровато оглянувшись, сказал:

– Проглоти. Запомни, что есть, и проглоти.

Зажим, помедлив, сунул в рот измятый бумажный квадратик.

– Горянка – это что? – спросил он, прожевав записку.

– Река. А «Сирень», где Доктор нас ждать будет, – озеро, – откликнулся Ходжа. – Раз он там, значит...

Он помолчал, окинув остальных заключенных цепким взглядом.

– Значит, на Горянке будут его бойцы.

Зажим немного успокоился и посмотрел на дремлющего Носа. Стекающая из его рта слюна образовала на выцветшей куртке бесформенное влажное пятно.

– Доктор – авторитет. Он нацарапал, чтобы мы шли вместе, – задумчиво произнес Зажим. – Я знаю вас всех. Кроме этого.

Он ткнул указательным пальцем на спящего ээка, и Ходжа скорчил гримасу.

– Да пес его знает. Я сам его второй раз вижу, он тут недавно. Сам знаешь, на днях новую партию с воли привезли... Слышал, что Нос у него погоняло, и все.

– На нем «браслеты». На единственном из нас, – указал Зажим.

Ходжа пожал плечами.

– Это одно из двух, – сказал он с всезнающим видом. – Либо он псих, либо беспредельщик. Что, по моему разумению, те же яйца, только в профиль.

Услышав последнюю фразу, Сава торопливо отсел от спящего ээка.

Ходжа окинул Носа внимательным взглядом.

– Только если бы он был каким-нибудь отморозком, об этом бы уже давно все знали, – добавил он.

– Значит, он стукнутый,⁹ – произнес Зажим, и прозвучало это не как вопрос, а как констатация неопровержимого факта.

– А, вспомнил. Вроде наши говорили, что он одному фраеру ухо хотел откусить, так ему зубы маленько повышибали, – неуверенно произнес Ходжа.

– Ухо откусить? – все так же задумчиво повторил Зажим. – Так на хера нам этот урод?

Ходжа снова пожал плечами.

– Доктору видней.

Он хотел сказать что-то еще, как внезапно раздался дрожащий голос Савы:

– Парни... Братва...

– Какие мы тебя братва, чушкан?! – осклабился Ходжа. – Лобковые вши тебе братва. Не тяни резину, ущербное. Выкладывай.

– Извините... – промямлил Сава. – Но... я никуда не пойду. Мне нельзя.

Ходжа желчно усмехнулся и сплюнул на пол вязко-темной слюной.

– Куда ты денешься, валенок.

Сава шмыгнул носом.

– Пожалуйста, Ходжа, послушай! У нас ничего не выгорит... У охраны оружие! При попытке бежать нас всех перестреляют! Вы бегите, а я останусь. И еще. Этот Нос...

– Захлопнись, тюфяк, – оборвал его ээк.

---

⁹ Психически больной человек (жарг.).

Тем временем Зажим медленно поднялся и направился к одиночной камере, представлявшей собой узкий прямоугольный короб, в уголовно-исполнительной системе именуемый «стакан».

– «Берегите то, что в стакане», – вполголоса повторил он слова из послания. Затем повернулся, глядя на уголовников. – Ходжа, ты помнишь, как было в маляве?

Зажим тихоньку стукнул по стальной поверхности камеры.

– По ходу, там никого нет. Разве что пара тараканов.

Несколько секунд он сосредоточенно прислушивался, затем покачал головой.

– Никого.

Он уже намеревался было сесть обратно на скамью, как внезапно внутри «стакана» раздался шорох.

Зажим остолбенел и, развернувшись, тупо уставился на одиночную камеру. Затем шагнул вперед и ударил ногой по стальной обшивке.

– Кто там?! – хрипло пролаял он.

Некоторое время ничего не происходило, и уголовник уже было решил, что странный звук ему померещился, как изнутри донесся протяжный стон.

– Какого хера? – прошептал Ходжа, меняясь в лице.

* * *

Первым нарушил молчание Митрич.

– Не по-божески это, – сказал он. – Бабу в железном ящике перевозить.

Конвоир недоуменно взглянул на напарника, затем рассмеялся.

– Хех, я и не въехал сначала... Думаю, какая баба, в каком ящике? Ты про ту шизанутую, что в «стакане»?

Водитель кивнул.

– Духота там жуткая, как в бане. И присесть негде, я видел, – сказал он. – Попробуй постоять так часа два. Притом что тебя внутри болтает, как дерьмо в проруби.

Охранник выпустил воздух сквозь плотно сжатые зубы.

– Да нет проблем, Митрич, – промолвил он, едва сдерживая раздражение. – Представь, что я ее выпущу к тем четырем утыркам. Как ты думаешь, сколько пройдет времени, прежде чем ее пустят по кругу? Прежде чем отымеют во все щели? А потом задушат, как собачонку?! Я думаю, минут пятнадцать. Это при хорошем раскладе. А потом еще мертвую каждый раз по два трахнет.

Митрич плотно сжал губы. Не мигая, он смотрел на дорогу, ускользящую вперед бесконечной серой лентой.

– Или ты хочешь, чтобы мы к себе ее сюда взяли? – насмешливо продолжал конвоир. – И нарушили инструкцию, о которой ты тут недавно вещал?

– Неправильно это, – упрямо сказал Митрич.

– Неправильно, – хмыкнул старлей, снова чихнув. – А если я тебе скажу, что эта баба натворила? Твое мнение поменяется?

– Да плевать. Баба есть баба. Она и так себя уже наказала, раз тут очутилась.

Водитель вздохнул.

– Эх ты, Митрич, – зевнул охранник, поправляя на коленях автомат. – Вся наша жизнь неправильная. Вот ты. Дожил до благородной седины, а простой водила. И наивный, как пацан. Как был Митричем, так и помрешь Митричем, все в добро и справедливость веришь. Словно малое дите в Деда Мороза.

– Верю, Слава. Представляешь? Помнишь старый мультфильм про старика с бабкой, к которым чудо-юдо домой пришло загадки загадывать? Что там говорилось? «Делай добро, бро-

сай его в воду...» Вот я так и живу, и родных своих учу. Стараюсь зла никому не причинять. Никому не завидую. Так вот. А еще я умею радоваться жизни, причем каждому дню. А это многого стоит, Слава. Такие вот нехитрые правила. Соблюдай их, и будешь счастливым.

Старлей подавил зевок, безучастно глаза в окно. Ему было неинтересно слушать рассуждения пожилого напарника. Все эти сентиментальные сопли насчет добра и справедливости ничего не стоят, от них проку не больше, чем от пыльного гравия, по которому, шурша шинами, катился их автозак. Вот если бы ему начальство лишнюю премию выписало, тогда разговор о счастье можно было бы поддержать. А сидеть и радоваться каждому прожитому дню, как какой-нибудь гребаный кузнечик, – увольте.

Митрич взглянул в зеркало заднего вида.

– Что-то заметил? – полюбопытствовал конвоир.

– Нет. Просто вспомнил, как полгода назад из люка на крыше девять архаровцев сбежало.

– Было дело, – кивнул старлей. – Нас потом целый месяц в хвост и гриву дрючили. Но тогда у одного сидельца инструмент с собой был. Им он люк и вскрыл.

– Недавно читал в одной газете, как из питерских «Крестов» в восьмидесятых двое эков улизнули, – поделился новостью Митрич. – Обвели вокруг пальца всю охрану. Контроль тогда был слабый, тюрьмы переполнены. Так эти урки из картона и красных ниток сделали поддельные ксивы следователей. Из журналов вырезали эти... как их... полиграфические изображения сотрудников. А из копий приговоров взяли печати. Эти хитрецы сшили из белых простыней докторские халаты. Переоделись в них и дошли до КПП. Там скинули их, показали через стекло свои самопальные ксивы и вышли наружу.

– Хитрожопые парни, – оценил конвоир. – А вообще, хорошо, что хоть без жертв.

– Вот именно.

– А ты вот, Митрич, к примеру, знаешь, что в некоторых странах Европы особо опасным заключенным читают лекции о всяких воздушных материях? Да еще платят за сеанс по 3 евро? И читают эти проповеди молодые девки?

– Ерунда! – не поверил водитель.

– Нет, это правда. Зачем я трепаться стану?

– Совсем эти европейцы чокнулись, – крикнул Митрич.

– Угу. А самое поганое, что как-то раз, на очередном сеансе, один громила, осужденный за убийство, буквально разорвал эту девчушку на части. А что ему? На пару дней изолировали от других, и все. Ему терять уже нечего. Толерасты, мать их. И так не знают, чем заняться, то парады гомосеячи проводят, то разрешают лесбиянкам детей усыновлять!

На скулах пожилого водителя заиграли желваки. Прошло несколько минут, прежде чем он снова подал голос:

– Знаешь, Слава, я еще начальству не говорил... Но этот год я дорабатываю и ухожу. У меня военная пенсия, есть свой дом, так что с голодухи не помру. Рыбалкой буду заниматься, огородом. Не хочу я больше эту мерзость развозить.

– Хозяин – барин, – только и ответил старлей, снова чихнув. – Может, оно и к лучшему. Я же вижу, не твое это...

До Горянки оставалось не более трех километров.

* * *

Внутри одиночной камеры происходило какое-то движение. После непродолжительного шороха раздался сильный удар. И вслед за этим – надрывно-хриплый крик.

Сава вздрогнул. Перекрестившись, он торопливо пересел в самый конец скамьи, его губы продолжали беспрестанно шевелиться.

– Мать моя в ластах, – растерянно пробормотал Ходжа. Нерешительно потоптавшись, он шагнул к одиночной камере. – Эй! Кто там в «стакане»?

Человек, находившийся в одиночке, на мгновение притих, затем глубоко вздохнул.

Зажим вытер тыльной стороной ладонью блестящий от пота лоб.

– Не нравится мне эта бодяга, – признался он.

Снова удар.

Нос, дремавший всю дорогу, встрепенулся. Его глубоко посаженные болотные глаза уставились на «стакан», в дверь которого изнутри кто-то истоптленно колотил как руками, так и ногами.

– Зажим, наверняка уже скоро Горянка, – обеспокоенно заговорил Ходжа. – Чего делать будем?

Он встретился взглядом с уголовником.

– Я почему знаю, – раздраженно бросил Зажим. От духоты и нервного напряжения пот буквально градом катился по лицу и вискам зэка, и это еще больше взвинчивало его. – Че мы можем делать?! Сидеть ровно на задницах и ждать!

На лице Ходжи отобразилось неодобрение.

– Под сидячую жопу вода не течет, – буркнул он. – Не в наших интересах жвачку растягивать...

Зажим оскалился, гневно сверкнув глазами:

– Тогда иди и ломай «стакан», грамотей! Шибко умный, смотрю!

Ходжа обиженно выпятил нижнюю губу.

Между тем Нос слез со скамьи и, шаркая подошвами стоптанных туфель, не спеша направился к «стакану».

– Тебя здесь не хватало, – брезгливо сказал Ходжа.

Нос не обратил на уголовника никакого внимания. Пригнувшись, он неторопливо приблизил свое лицо к стальной поверхности камеры. Прикрыв веки, он принялся жадно принюхиваться, изо рта выглянул кончик языка. Шумно выдохнув воздух, он прошепелявил шепотом:

– Жентина.

Ходжа и Зажим переглянулись.

– Там что, баба? – уточнил Зажим.

Нос хихикнул:

– Не похоже, да? Но это она.

Глаза зэка тускло блеснули, словно монетки на дне мутной лужи, по лицу пробежала тень какого-то неизъяснимо-злобного веселья. Он огляделся по сторонам, словно его кто-то мог подслушать, и, понизив голос, доверительно сообщил:

– Жентины пахнут по-другому. Особенно когда текут. Вы понимаете, о чем я?

Ходжа схватил зэка за плечо:

– Вали обратно, картавый. От тебя тоже пахнет. Только не одеколоном, а дерьмом.

Щербатый рот Носа разъехался в стороны, как клоунская ухмылка. В следующую секунду он внезапно подался вперед и, вырвавшись из хватки Ходжи, нанес ему сильный удар в лицо обеими руками, сцепленными в «замок». Ходжа отпрянул назад, вскрикнув скорее от удивления, чем от боли. По его искаженному в гримасе лицу заструилась кровь – ребро наручника рассекло скулу.

– Ну все, Носяра... – прохрипел заключенный. Пальцами коснулся раны и неверяще посмотрел на кровь, при скудном искусственном освещении выглядевшей почти черной. – Хана тебе. Я сам вырву у...

Продолжить Ходжа не успел, согнувшись от удара ногой в живот. Не удержавшись, уголовник упал на колени, издав пронзительный вопль, в котором смешалась ярость и боль.

Сава тонко заверещал, закрыв лицо чумазыми руками. Со стороны могло показаться, что не по годам взрослый ребенок пытается избавиться от мучающего его кошмара.

Зажим оторопело глядел, как Нос спокойно обошел Ходжу и, вытянув вперед руки, прижал горло заключенного цепью, соединявшей наручники. В спину Ходжи он упер колено, начиная тянуть к себе извивающегося уголовника.

– Не надо, – плакал Сава, размазывая по отекущему лицу слезы. Смешиваясь с пылью, они превращались в липкие грязные разводы. – Перестаньте! Пожалуйста!

– Больфе никогда не обзывай меня, – проворковал Нос. – Договорились, дружок?

Ходжа хрипел, тщетно пытаясь сопротивляться, но движения его становились все слабее и слабее.

Страхнув оцепенение, Зажим ринулся вперед. Нос поднял голову, но было уже поздно – в его лицо летел кулак. Губы зэка лопнули, как перезрелый помидор, изо рта хлынула кровь. Его руки дрогнули, ослабив давление. Размахнувшись, Зажим ударил снова, на этот раз в висок психа. Глаза Носа закатились, и он, потеряв сознание, сполз на пол.

– Вставай, – сказал Зажим Ходже.

Тот все еще не мог оправиться от столь внезапного нападения, продолжая сидеть, раздвинув ноги, и кашлять.

– Поднимайся! – прикрикнул Зажим.

– Надо... открыть «стакан», – отдышавшись, произнес Ходжа. Кое-как поднявшись, он ударил ногой бесчувственное тело Носа.

– Я ничего не буду открывать, – злобно отозвался Зажим. – Уйдем вдвоем. А эти шавки пусть сами выбирают.

Ходжа печально покачал головой:

– Я знаю Доктора. Если он хочет, чтобы мы шли вместе... то так и будет.

Он потер шею, на которой краснела ссадина от наручников Носа.

– Иначе он с тебя живого кожу снимет, – тихо добавил он.

Зажим выругался, и удары, доносившиеся из «стакана», внезапно стихли.

Сава продолжал плакать.

* * *

– Ты слышал? – Митрич озабоченно мотнул головой в сторону кузова, туда, где находились заключенные. – Вроде упало что-то.

– Может, и упало, – не стал спорить конвоир. – Да и хрен бы на это. А может, они попрыгать решили, размяться. Там все-таки скучновато, хе-хе.

Лицо немолодого водителя посерьезнело.

– Зря шутишь, – произнес он. – И вообще, напрасно ты с ними не поехал. Как бы беды не случилось.

Старлей закричал.

– Умеешь ты настроение испорить, Митрич, – проворчал он. – Ладно, притормози. Выйду, посмо...

Фразу закончить конвоир не успел, так как его перебил удивленный возглас водителя. Старлей перевел взгляд на дорогу, и глаза его расширились.

Прямо перед ними на дороге стоял человек, мужчина. Он стоял полубоком, в полной неподвижности, повернувшись левым плечом к несущемуся прямо на него грузовику.

Митрич с силой нажал на клаксон.

– Что за дебил?! – воскликнул старлей. – Твою мать!

Резко развернувшись, незнакомец молниеносным движением вскинул руки. Перед глазами изумленных конвоиров что-то мелькнуло, и в следующее мгновение раздался едва слыш-

ный хлопок. На лобовом стекле проклюнулась бесформенная вмятина, от которой во все стороны тут же расползли трещины.

– Митрич! – в панике заорал старлей. – Дави его!

Он что-то еще крикнул, но тут же последовал второй хлопок, и стекло лопнуло, осыпав ошалевших мужчин стеклянным дождем. В Митрича что-то с силой ударило, вжав его в сиденье, и ему стоило громадных усилий удержать в руках рулевое колесо. Он хрипло выматерился, правое плечо онемело от боли. Автомобиль на полной скорости занесло влево, натужно закрипели покрышки, с хрустом выбрасывая нагретый солнцем щебень. Вячеслав что-то кричал, пытаясь перехватить у водителя руль, но было поздно. Сила инерции задрала левые колеса машины, и пару секунд «ГАЗ» стоял ребром, словно раздумывая, не вернуться ли ему в исходное положение, затем восьмитонная махина с грохотом рухнула на бок.

– Слава!

Митрич с трудом разлепил веки, почему-то ставшие странно-липкими и тяжелыми. Провел левой рукой по лицу, посмотрел. Вся ладонь была красной от крови. Он потрогал лоб и стиснул зубы, когда его пальцы коснулись влажного обрывка кожи, который висел, словно тряпка.

Водитель попробовал пошевелить правой рукой и застонал. Конечность отчаянно стреляла болью, как воспаленный зубной нерв, в плече торчало что-то темно-продолговатое. Митрич скосил глаза, стараясь рассмотреть инородный предмет.

«Стрела. Твою мать, в нас стреляли».

Пахло пылью и бензином.

– Вот гадюка, – сквозь зубы произнес Митрич, вспомнив человека на дороге. Что это было?! Сумасшедший или... попытка отбить заключенных?

При мысли о зэках, находящихся внутри автозака, водитель почувствовал, как кожу обожгло колючим холодом.

Нужно обязательно проверить камеры. К тому же там в «стакане» – женщина...

Митрич повернул голову, и его взгляд наткнулся на напарника. Старлей был без сознания, из уголка рта струился извилистый ручеек крови.

– Слава! – снова позвал мужчина. Протянул руку, толкнув конвоира в плечо.

Безрезультатно, тот не приходил в себя.

«Нужно выбраться из кабины, – пронеслась у водителя мысль. – Так будет проще вытащить Славу».

– Нет, – прошептал он вслух. – Сначала объявить тревогу. Так... – Он вздохнул, словно оправдываясь перед самим собой. – Так положено... По инструкции.

Митрич вытер глаза и потянулся к приборной панели, где была вмонтирована «Незабудка»¹⁰. Красная кнопка, казалось, снисходительно подмигивала своим рубиновым глазом, намекая, что у Митрича кишка тонка воспользоваться ею.

Однако, прежде чем указательный палец пожилого водителя лег на тревожную кнопку, дверь над его головой внезапно распахнулась, и чьи-то жилистые крепкие руки обхватили его за подмышки, поднимая наверх, как мешок.

Все было настолько стремительно, что Митрич даже не успел испугаться. Через секунду его выволокли наружу и швырнули на гравий, ударив ногой в живот. Кашляя и задыхаясь, водитель встал на колени и задрал голову. Глаза слепил яркий солнечный свет, и он, шурясь, смотрел на высившегося над ним коренастого мужчину. На нем был выцветший, покрытый пылью камуфляж, руки в черных перчатках, на голове капюшон. На правом бедре висел массивный арбалет, притороченный к кожаному ремню.

---

¹⁰ Сигнально-переговорное устройство для спецтранспорта.

«Пистолет».

Эта мысль забилась в мозгу водителя пойманной в силки птиц.

Достать «ПМ» и пристрелить чертового психа.

– Ключи, – проговорил незнакомец. Его голос был низким и глухим, как если бы он разговаривал через толстый слой ваты.

– Что? Ключи? – машинально переспросил Митрич. Он потянулся к кобуре, поморщившись от боли в сломанной руке. Это не ускользнуло от мужчины в камуфляже, и он, вытянув руку, зажал в кулак лоскут кожи, свисающей с окровавленной головы водителя. Резко рванул на себя, обнажая рваную рану до самого носа. Митрич взвыл от боли, ему казалось, что его окунали лицом в кипящее масло.

Незнакомец швырнул кусок кожи на дорогу и отряхнул перчатки, всем своим видом показывая, что именно так следует сбрасывать соплю, прилипшую к пальцам после высмаркивания.

Митрич завороченно глядел на этот беспомощно-розовый клочок собственной плоти, на котором кое-где даже виднелись волосы. Совершенно некстати он подумал, что теперь у него на всю жизнь останется шрам.

– Ключи, – ровным голосом повторил мужчина.

Митрич непонимающе посмотрел на него и, тихо застонав, выпрямился. Его мутило и покачивало, как пьяного.

Незнакомец обхватил рукой стрелу, торчавшую из его плеча, и принялся вращать ее из стороны в сторону, расширяя рану. От новой вспышки невыносимой боли у Митрича потемнело в глазах, и он закричал.

– Ключи.

– У меня... нет, – выдохнул он, находясь в полуобморочном состоянии.

«Пистолет».

Митрич попробовал пошевелить пальцами простреленной руки, но едва ли ощущал свои движения – конечность болталась безжизненной плетью. Его правой руке явно не везло сегодня – похоже, кроме стрелы во время падения автозака он получил перелом.

С нарастающим ужасом водитель осознал, что вряд ли сможет расстегнуть кобуру. Во всяком случае, пальцами *этой* руки.

– У кого ключи? – осведомился незнакомец, оставив в покое стрелу. Кивнул в сторону кабины, где находился до сих пор не пришедший в себя Вячеслав. – У него?

Митрич ничего не ответил. Тяжело дыша, он протянул левую руку к кобуре, начав возиться с застежкой. Он скрипел зубами и матерился, одновременно вспоминая молитвы и мысленно уговаривая кобуру быть послушной, но застежка, как назло, почему-то наотрез отказывалась подчиняться.

Мужчина в камуфляже покачал головой и, нагнувшись, поднял с дороги крупный камень.

Водитель невидяще глядел на него, плотно сжав губы. Весь мир для него сузился до маленькой кожаной застежки каплеобразной формы, которая ни в какую не желала открывать крышку кобуры. Кровь из разорванного лица заливала шею и грудь, пропитывая служебную рубашку.

Незнакомец размахнулся.

Митрич попытался увернуться, но не успел. После первого удара колени его подогнулись, и он упал на щебенку, прямо изуродованным лицом на острые камни. Водитель был еще жив, хоть и потерял сознание. Камень опустил на его голову еще раз, хрустнул череп. Митрич вздрогнул, пальцы его с силой сжались до белизны в костяшках, по телу пошли конвульсии.

Он перестал дышать на пятом ударе, но «камуфляжник» продолжал с остервенелой сосредоточенностью поднимать и опускать камень, превращая голову уже мертвого водителя в багровую кашу.

Наконец он выпрямился. Небрежно бросил черный от крови камень в пыль, после чего, нагнувшись к труп, открыл кобуру водителя и извлек наружу пистолет. Засунув его за пояс, он поднялся в кабину.

Первым делом он нашел и вытащил автомат, застрявший между сиденьем и бесчувственным телом старшего лейтенанта. Бросив «калашников» на дорогу, незнакомец снял перчатку и, затаив дыхание, пощупал пульс на шее тучного конвоира. Он был жив. И у него были ключи от камеры автозака.

«Камуфляжник» критически огляделся по сторонам, прикинув, что провести полноценный обыск охранника не представляется возможным. Ворочать в тесной кабине эту заплывшую жиром тушу у него не было ни времени, ни желания.

Чертыхнувшись, он все же попытался приподнять тело старлея, но после минуты напряженных усилий оставил эти бесплодные попытки. Мало того, что второй конвоир был вдвое тяжелее водителя, похоже, его ноги были зажаты сломанным креслом.

Мужчина снова обвел кабину холодным взглядом.

Времени было чрезвычайно мало. В любую секунду на дороге мог показаться посторонний свидетель.

Он вновь надел перчатку. Склонившись над телом охранника, нажал пальцами на глазные яблоки. Старлей застонал.

– Просыпайся, – спокойно произнес незнакомец, принимаясь хлестать мужчину по лицу. Из носа конвоира показалась кровь, и он, вскрикнув, разлепил веки.

– Ты... ты... кто ты? Какого лешего?!

– Ключи, – потребовал «камуфляжник».

– Тебе крышка, – хрипло проговорил старлей. – У тебя ничего не выйдет!

Незнакомец стиснул его массивную шею пальцами, и глаза Вячеслава выпучились, вылезая из орбит.

– Ключи.

Когда лицо охранника стало багроветь и он захрипел, мужчина ослабил хватку.

– У тебя три секунды, – произнес «камуфляжник», пока Вячеслав задыхался от кашля. Когда приступ прошел, он чихнул, выпуская изо рта розоватое облачко крови, после чего выдал:

– Подожди... Сейчас.

Незнакомец кивнул, отодвинувшись.

Из кузова автозака неожиданно послышался какой-то шум, потом кто-то истошно закричал.

«Камуфляжник» инстинктивно повернул голову в сторону звуков, а когда взглянул на прижатого сиденьем конвоира, увидел наставленное в него дуло «ПМ».

– Сиди на месте... мразь, – прошипел Вячеслав. Рука его тряслась, и табельный пистолет ходил ходуном, словно весил несколько килограммов.

Незнакомец вздохнул, начиная пятиться назад. Его черные змеиные глаза не мигая следили за охранником.

– Стой! – закричал старлей, и в голосе раненого конвоира сквозила паника. – Стой, кому сказал! Убью!

Он попытался нажать на спусковой крючок, но тот не шелохнулся.

«Забыл снять с предохранителя», – сверкнула в мозгу запоздалая мысль.

Большой палец руки лихорадочно опустил рычажок в нужное положение. Между тем незнакомец почти вылез из кабины.

– Стой!! – завопил Вячеслав и выстрелил. Пуля попала в крышу грузовика.

Мужчина в камуфляже исчез.

– Митрич! – без особой надежды позвал водитель. Ему никто не ответил.

«Этот ненормальный убил твоего Митрича», – прошелестел кто-то у самого уха конвоира.

Вячеслав торопливо заворочался, пытаясь вытащить ноги из-под кресла. Из всех сил напрягая мышцы и преодолевая жгущую боль, он сантиметр за сантиметром высвобождал придавленные конечности. Еще немного... Ему бы только дотянуться до приборной доски... и нажать кнопку...

Спрыгнув вниз, «камуфляжник» быстро скинул с плеч небольшой рюкзак и, расстегнув его, достал бутылку из плотного пластика с конусообразной насадкой. Открыв колпачок, он вплотную приблизился к открытой кабине и, вытянув вперед руки, стиснул пальцами бутылку. Из отверстия тут же ударила тугая струя, распространяя в жарком воздухе резкий запах бензина.

– Пись-пись-пись, – не меняя выражения лица, просюсюкал незнакомец.

Спустя мгновение из кабины раздался разъяренный вопль.

– Я пристрелю тебя! – орал старлей. – Вышибу мозги! Засуну ствол тебе в задницу и продырявлю насквозь, до самой башки!!! Слышишь?! Прекрати, ублюдок!! Сюда уже едет наряд спецназа! Я успел дать сигнал, понял?!

Струя едкой горючей смеси попала ему на лицо, и конвоир отчаянно заморгал глазами, которые нещадно защипало.

– Ключ, – раздался снаружи невозмутимый голос. – Или я сожгу тебя.

– Ублюдок! – вырвалось у Вячеслава.

Он задержался, словно пойманная в сети щука, но попытки освободиться из плена были бесполезны – своими резкими движениями конвоир лишь причинил своим зажатым, словно в тиски, ногам дополнительную боль. От неимоверного напряжения сосуды на его глазах полопались, заливая белки кровью, из-за колотящегося в оголтело-безумном ритме сердца грудь ходила ходуном, а виски сдавило стальным обручем.

«Не надо. Пожалуйста, не убивай меня».

Эти слова уже были готовы сорваться с окровавленных губ старлея, но перед глазами замаячило ледяное выражение лица «камуфляжника», и он угрюмо стиснул зубы. Так, что заныла челюсть. Этот отморозок собственную мать сожжет заживо и не моргнет.

«Тогда ты умрешь в мучениях», – снова заговорил внутренний голос. – *Отдай. Отдай ему эти дурацкие ключи. Он не будет тебя сжигать. Ведь если он подождет кабину, может загореться кузов. А ему нужно то, что внутри...*»

Вячеслав провел кончиком языка по губам, с омерзением ощущая привкус бензина. Но проскользнувшая в закоулках мозга мысль немного воодушевила его и придала уверенность.

Будь что будет. И потом, когда начнется разбор полетов, он всегда может сказать, что ключи у него забрали, пока он был без сознания.

«Если доживешь до этого разбора, дружок», – хихикнул внутренний голос, и старлей поежился.

С трудом просунув руку в карман, он извлек наружу связку ключей и, вздохнув, швырнул ее в открытую дверь. Теперь от него уже ничего не зависит.

– Вот и славно, – тихо проговорил незнакомец. Он подобрал ключи, отряхнул их от пыли. Затем из кармана брюк выудил коробок с охотничьими спичками, достал одну, ловко чиркнул о терку. С тихим шипением на спичечной головке расцвело ярко-оранжевое пламя.

– Вы нам ключи, мы вам тепло, – обронил «камуфляжник», бросая горящую спичку в кабину. – Равноценный бартер.

Последовавший за этим звук «фуууух» заглушил преисполненный ужаса крик конвоира. Пламя вспыхнуло мгновенно, превращая кабину автозака в котел ада.

Вячеслав напрасно пытался сбить огонь. Взметнувшиеся ярко-оранжевые языки пламени с жадностью вгрызались во все подряд, не делая разницы между живым или неживым, между человеческой плотью или бездушным креслом. Палец старлея непроизвольно нажал на спусковой крючок, и пистолет дважды выстрелил. Сразу после этого он выронил табельное оружие, продолжая кричать.

Волосы на его голове вспыхнули, как сухая солома, и, затрещав, сгорели в одно мгновение. Пылающая одежда, потемнев, быстро превратилась в серые хлопья, которые вплавливались в пузырящуюся кожу. Мужчина поджаривался заживо, как в печке. Издав животный вой, Вячеслав забился в агонии, но вскоре застыл, беспомощно раскинув в стороны скрюченные руки.

* * *

Как только автозак перевернулся, Зажима охватил беспримесно-дикий, ни с чем не сравнимый страх, хотя внутренне зэк готовил себя к любому непредвиденному повороту событий. Потеряв равновесие, он грузно свалился вниз, больно ударившись рукой о скамейку, но даже в те тысячные доли секунды, когда пол уходил из-под ног зэка, наверх, словно мутный пузырь, всплыла леденящая кровь мысль: «Горянка».

Да, Горянка. Чертова река, у которой, если верить маляве Доктора, все и должно было произойти.

«Ни хрена он не сделал, этот Доктор».

Ну, может, он взорвал колесо автозака, и теперь эта огромная машина катится вниз, словно ржавая консервная банка, если по ней наподдать ногой, катится прямо в речку, в ее темную и холодную глубину, где нет ни воли, ни света, ни солнца, ни вообще ничего. Есть лишь глупые рыбы с выпученными глазами, которые только и умеют, что жрать водоросли, пускать пузыри и плямкать своими дурацкими губами...

От этой мысли Зажима пронизал такой всепоглощающий ужас, что из его глотки вырвался истошный вопль. Впрочем, он не был исключением – кричали все.

Все, кроме Носа. Слегка выступившая бледность на его отталкивающем лице, пожалуй, была единственным внешним изменением в уголовнике. Хрюкнув, он подтянул к себе ноги, сжавшись в клубок. Затаив дыхание, Нос неотрывно смотрел куда-то в стену, будто перед ним был не матово-серый лист стали, а телевизор, по которому транслировали его любимый фильм. Закованные в наручники руки он держал перед собой, словно в молитве.

Время шло, а грузовик не двигался. И судя по всему, он все еще оставался на суше, и на душе Зажима отлегло.

Он медленно поднялся, ощупывая ушибленный при падении локоть. Ходжа вполголоса матерился, смахивая кровь, сочившуюся из рассеченной брови. Собственно, он больше размазывал ее по лицу, нежели вытирал.

Сава, жалобно подвывая, как побитый пес, ползал на карачках в поисках слетевших очков.

В «стакане» было тихо.

– Похоже, Доктора работа, – наконец произнес Ходжа, и в его голосе ощущался благоговейный трепет. Спотыкаясь, он шагнул к люку, который в результате падения автомобиля теперь располагался сбоку. Подергал на себя.

Снаружи раздался крик мужчины, и Ходжа вздрогнул, инстинктивно отступив назад.

Крик повторился, затем воцарилась тишина.

Зажим перехватил напряженный взгляд Ходжи.

– Охрану кончают, – прошептал Зажим, и от осознания этой мысли уголовник внезапно испытал нескрываемое злорадство.

«Получите, суки драные. Наше вам с кисточкой...» – мысленно произнес он.

Саве наконец удалось обнаружить свои очки, и он торопливо нацепил их на нос. Одно стекло было треснуто, из-за чего левый глаз заключенного словно рассекли надвое ланцетом. Зэк тихо всхлипнул.

– Закройся, – бросил злобно Зажим, прислушиваясь к тому, что происходило снаружи. Некоторое время слышалась невнятная возня, затем прозвучал выстрел.

Сава пригнулся, закрыв лицо ладонями.

– Мать моя на роликах, – выдохнул Ходжа. – Шмалять начали.

Из кабины автозака вновь донесся озлобленный крик.

– Я не хочу... – вдруг пробубнил Сава, убирая руки от лица. Он нервно облизнул губы. – Пусть все поскорее закончится. Мы...

Зажим, ни слова не говоря, навис над рыхлым зэком и с силой ударил его по уху. Сава взвизгнул, сжавшись в комок. Громадный, бесформенный, дурно пахнущий комок.

– Закройся, конь бздиловатый, – с налившимися кровью глазами процедил Зажим. – Или задущу.

Сава понуро опустил голову, обхватив сальные волосы руками. Он затрясся, когда из кабины снова стали раздаваться крики, на этот раз они звучали куда громче, чем прежде, и они были пронизаны неподдельным ужасом. Хлестко, друг за другом прогремели еще два выстрела, и крик перешел в надрывные хрипы.

– Зажим... – начал было Ходжа, но уголовник обжег его испепеляющим взглядом, прижав к своим губам палец.

Тягучими, клейкими каплями потянулись секунды. Кричащий снаружи человек затих, и одновременно с этим в камеру начали просачиваться тонкие струйки дыма.

– Горим. Колымага горит, Зажим! – запаниковал Ходжа. Он метнулся к стальной двери и затряс решетку: – Эй, кто там есть! Открывайте, шоб вас!! Тут дым, щас все сгорим к едрене фене!!

У люка кто-то завозился, затем громко щелкнуло, и крышка приоткрылась. В образовавшуюся щель тут же скользнул солнечный лучик, уткнувшись в лицо Савы. Зэк с шумом втянул в себя воздух, зачарованно глаза на мельчайшие ворсинки, которые, попав под свет луча, вальяжно плавали в спертом воздухе.

Крышка люка отодвинулась еще больше, мелькнул темный силуэт человека, и внутрь с лязгом упала связка ключей.

Ходжа издал радостный возглас и коршуном кинулся к ним.

– Ай-ля-ля! Валим, быстро!

Он толкнул ногой крышку люка, распахивая его настежь. И тут же замер на месте, словно наткнувшись на невидимую стену.

– Ты че? Че забуксовал?! – сдвинул брови Зажим.

Ходжа повернулся:

– Открывай «стакан», Зажим. Все, как в маляве написано.

Зажим метнул колючий взгляд в сторону одиночной камеры.

– А если...

– Нет, – замотал головой Ходжа. – Я не хочу под нож Доктора ложиться. Он ведь без башни. Ты хочешь? Я – нет. Помнишь, что он с Чебуреком сделал?! Его потом по частям хоронили.

Зажим с трудом сглотнул застрявший в глотке комок. То, что сотворили с Чебуреком, который посмел послушаться Доктора, он помнил хорошо – несчастного привязали конечно-стями к четырем машинам, как в старину к лошадям, и разорвали.

– Надо идти всем вместе, – подытожил Ходжа.

Зажим, помедлив, с неохотой приблизился к «стакану». Глаза остановились на луже, образовавшейся на полу. Сквозь щели одиночной камеры продолжали падать капли. Изнутри было слышно, как кто-то хрипло дышит.

«Обоссалась, шлюха», – промелькнула у Зажима мысль, и отчего-то этот факт вызвал у него легкое возбуждение. Выбрав из связки ключей нужный, он сунул его в скважину.

Ходжа подошел к Носу:

– Вставай. Быстро! Идешь с нами.

Нос, звякнув наручниками, послушно поднялся на ноги. Его нижняя губа оттопырилась, десна блестела от скопившейся слюны. Глаза затуманены пленкой, словно он находился под воздействием наркотиков.

– Не вздумай шутить, утырок, – предупредил с угрозой Ходжа. Нос пялился на зэка с идиотской улыбкой, словно того вообще не существовало. С таким же успехом Ходжа мог что-то втолковывать скамейке, вмонтированной в пол автозака.

Между тем Зажим дважды повернул ключ, и стальная дверь «стакана» со скрипом открылась. Зэка обдало духотой и прелой смесью из женского пота и мочи. Сквозь спутанные темные волосы на Зажима, моргая, безмолвно таращились распахнутые глаза.

– Вылазь, – скомандовал Зажим. Женщина не шевелилась, и тогда он протянул руку, бесцеремонно схватив ее за волосы. Рванул на себя, и незнакомка взвизгнула, ударившись головой о боковую стенку «стакана». На ней была мокрая от мочи серая юбка, засаленная блузка. Руки зэчки нервно мяти хлопчатобумажную косынку.

– У меня нет времени возиться с тобой, кобыла, – пропыхтел Зажим, выволакивая женщину наружу. Наклонившись к ней, зашептал прямо в ухо:

– Или ты идешь с нами, или останешься здесь. Только дохлой. Живой я тебя не оставлю.

Несколько секунд осужденная затравленно смотрела на Зажима, затем торопливо кивнула.

– Выходим, – приказал зэк. Сощурившись, он помахал в воздухе рукой, разгоняя струящийся сквозь щели дым.

– А ты чего расселся, мудило жирное? – рявкнул Ходжа, глядя на Саву. Грузный уголовник, кашляя, умоляюще сложил руки.

– Парни... – жалобно захныкал он. – Мужики, ну не надо...

– Мужики лес валят, – скривился Ходжа. – Встал, ущербное! Пошевеливайся! И так дышать нечем, кабина горит! Не ссы, Макар, я сам боюсь, хе-хе!

Сава снова заплакал, и женщина с удивлением повернула нечесаную голову в его сторону.

– Пожалуйста... У меня УДО... – взвыл Сава. – Я не могу... не скажу ничего, сухой буду!!! Мне же к сроку потом еще «пятерку» добавят!

Зажим грубо толкнул женщину к открытому люку. Едва удержавшись на ногах, она покорно засеменила к выходу и, пригнувшись, начала выбираться из автозака.

– Ходжа, проследи за ней, – бросил Зажим, и зэк, понятливо кивнув, схватил за локоть Носа.

– Пошли, шнобель, – ухмыльнулся он. Нос засмеялся, показав уголовнику грязно-серый язык.

Когда они тоже вылезли наружу, Зажим присел на корточки перед задыхающимся от кашля Савой.

– Не пойдешь? Тогда я закрою тебя здесь.

Сава ошеломленно поднял на уголовника глаза.

– Что?..

– То, валенок. И ты поджаришься, как кусок свинины. Жирной свинины, – подчеркнул Зажим.

– Зажим... ну зачем ты так? Вы можете просто уйти, а я выйду наружу и останусь тут! – выкрикнул Сава. – Притворюсь, что меня башкой шарахнуло и я ничего не помню!

Зажим покачал головой:

– Не катит, жирдяй. Или с нами, или ногами вперед, к бородатому старику на небо. А может, к черту. Я не собираюсь вставать у Доктора поперек дороги из-за такого мешка с дерьмом, как ты.

– Нас убьют, – шмыгнул носом Сава, и по его обвисло-грязным щекам потекли слезы, чертя светлые дорожки по чумазой коже.

Зажим поднялся на ноги.

– Когда твоя толстая жопа будет шкварчать, как сало на сковороде, ты вспомнишь мои слова, – сказал уголовник, кашляя. Закрыв рот рукавом, он стал вылезать из грузовика. – Пиши письма, валенок.

Сава в немом ступоре смотрел, как зэк постепенно исчезал в проеме люка, затем его прорвало, словно застарелый гнойник:

– Нет! Постой, Зажим!! Я с вами!!

Ничего не услышав в ответ, он торопливо пополз к выходу и высунулся наружу. В глаза мгновенно ударил солнечный свет, и он непроизвольно зажмурился. Открыв глаза, заелозил, проталкивая свое полное тело через отверстие.

– Хе-хе, Винни-Пух объявился! – заулюлюкал Ходжа. Он быстро обыскал труп водителя, рассовывая по карманам нехитрую добычу: триста рублей и зажигалку. – А мы катались на бронекатере... Перевернулись к едроне матери... – гнусаво запел он. – Залупа синяя переливается... А раки красные за хер кусаю...

– Заткнись, – оборвал его Зажим, напряженно озираясь по сторонам. – Где... все?

– Тут никого нет, – ответил Ходжа, морща нос. – Видать, наши в чашу ушли.

Зажим посмотрел на Саву, который все никак не мог выбраться наружу. Его круглое, мясистое лицо в грязных разводах приняло испуганно-плаксивое выражение.

– Давай быстрее! – заорал уголовник, теряя терпение.

Сава прикусил губу. Клубы едкого дыма от горячей кабины, которые сухой ветер швырял ему в лицо рваными клочьями, приводил зэка в неописуемый ужас. Набрав в легкие воздуха, он, упершись руками в основание люка, изо всех сил рванулся вперед. Затрещала тюремная куртка, кожу обожгла боль, но дело сдвинулось с мертвой точки, и, наконец, мужчине удалось полностью выкарабкаться наружу.

Поднявшись на ноги, он с ужасом уставился на труп водителя-конвоира. Вместо головы – влажно-красный блин с белыми вкраплениями. Когда до сознания Савы дошло, что это не что иное, как осколки черепа, его внутренности скрутили спазмы.

Заметив это, Зажим усмехнулся. Шагнув вперед, он с силой ударил носком ботинка в бок Митрича. Тело мертвеца неохотно колыхнулось.

– Нечего глазеть, – сплюнул Зажим и, еще раз оглядевшись по сторонам, приказал:

– Быстро в лес.

Сава отвел взор, его всего мутило, и ему стоило громадных усилий не вывернуть свой желудок наизнанку. Неуклюже перебирая толстыми, как колонны, ногами, он кинулся к зеленоющей листве. Ходжа тащил женщину, вызволенную из одиночной камеры. Поначалу заключенная пыталась робко сопротивляться, но Ходжа отвесил ей хлесткую пощечину, и та притихла.

Нос брел рядом, глядя себе под ноги.

Прежде чем скрыться в лесу, Зажим, словно вспомнив о чем-то, резко обернулся. Зрелище пылающей кабины автозака завораживало.

«Я мог бы смотреть на это целую вечность», – внезапно подумал уголовник, и уголки его губ, тонких, как сложенные лезвия, непроизвольно разъехались в стороны. Зэк улыбался, но улыбка эта была мстительно-злая.

Почерневшая cabina автозака пылала яростным факелом; со стороны создавалось впечатление, будто она даже уменьшилась в размере, прогнувшись и съежившись. Огонь быстро перекинулся на кузов грузовика, от задранного вверх переднего колеса в воздух столбом поднимался черный смрад. Пожираемый языками пламени грузовой автомобиль напоминал издыхающего мастодонта, которого сразила молния.

– Хер вам на рыло! – крикнул Зажим, потрясая в воздухе сжатым кулаком. Глаза его сверкали триумфальным огнем, ноздри раздувались, как у зверя, одержавшего победу над соперником. – И залупу на воротник! Так вот!

С этими словами он исчез из виду. Едва колыхнулась ветка, смутное напоминание о том, что секунду назад тут стоял человек, и все.

* * *

Спустя несколько минут стало ясно, что в лесу их никто не ждал.

– Ну?! Где они?! Где люди Доктора? – злился Зажим, бестолково мечась из стороны в сторону. – Что за гребаные кошки-мышки?!

Его правое веко снова дергалось в нервном тике, а пальцы постоянно сжимались и разжимались, будто он разрабатывал кисти с помощью невидимых эспандеров. Казалось, первому попавшемуся под руку он не задумываясь свернет шею.

– Не кипишуй раньше времени, Зажим, – успокаивающе проговорил Ходжа. – Уйдем подальше от дороги. Скоро сюда легавых понаедет с псами, а те специально натасканы на нашего брата... Тогда нам точно хана!

– Куда уйдем?! Лес большой! – выкрикнул Зажим. – Куда? Направо? Налево? Говори, ты же знаешь эти края! Где это озеро, как там его...

– Сиреневое, – подсказал Ходжа.

– Ну?!

– Домой, – неожиданно раздался глухой голос. Все обернулись. Пошатнувшись, женщина осторожно дотронулась пальцами до ствола березы. Рука была в царапинах, с бугрящимися венами, ногти грязные, неровно постриженные.

– Домой? – переспросил Зажим. Он придвинулся к заключенной, смахнув сальные волосы, закрывающие ее лицо. Неприязненно скорчился, опустив взгляд на ее юбку, влажную от мочи.

Лицо женщины было бледным и отталкивающим, рот приоткрыт, как у слабоумной, на носу зрел прыщ. Рыбьи глаза тупо уставились в крошечного жучка, который торопливо полз по стволу дерева, спеша по своим жучиным делам, и в этих тусклых кукольных глазах жизни было ровно столько, сколько в давно потухших углях.

– Домой, – безучастно повторила женщина, даже не удостоив взглядом Зажима.

– Мать моя на коньках, – проворчал Ходжа. – Свел Бог с дурой сумасшедшей.

Он ущипнул зэчку за грудь, но она лишь вяло отвела руку уголовника. Ходжа плотоядно улыбнулся.

– Говорят, психички такие сладкие в постельке, – хихикнул он. – Фигурка-то у тебя ничего! А вот рожей не вышла, только фраеров в подворотне пугать!

– Домой, – в третий раз произнесла женщина и вдруг, развернувшись, посмотрела Зажиму прямо в глаза. – Отпусти.

Зажим усмехнулся. Глядя на стоявшую перед ним зэчку, он вновь испытал то странно-волнительное возбуждение, которое нахлынуло на него там, в чреве автозака, когда он стоял перед «стаканом» с ключами в руках.

«У нее сочное тело. Тело зрелой самки», – пронеслась у него мысль.

Да, судя по всему, баба явно не дружит с башкой, и мозги у нее наверняка давно скисли, как забытый на подоконнике борщ, но разве это так важно? Сейчас и здесь?

Зажим почему-то подумал о рыбе. Да-да.

О сушеной рыбе.

О вобле, у которой со временем слегка подпортилась голова (как говорится в известной поговорке), а из жабер уже явственно ощущается душок. Но если закрыть глаза на подобные мелочи, то в целом рыбка даже вполне ничего, как раз под пиво. Оторвать голову, и вобла готова к употреблению, а о неприятном запахе можно забыть. Как и о том голимом автозаке, в который люди Доктора пустили «красного петуха»...

– Закрой хлебало и слушайся меня. Усекла? – спросил он, в упор глядя на женщину.

Беглый зэк хотел прибавить что-то еще, но, к всеобщему изумлению, женщина сделала то, что от нее ожидалось меньше всего, – она плюнула в Зажима.

Все замерли, лишь Нос снисходительно улыбнулся.

Несколько секунд Зажим ошеломленно безмолвствовал, затем, хрипло выдохнув, ударил заключенную. Жесткий кулак пришелся в рот, расплющивая губы. Хрустнул выбитый зуб, и женщина упала на куст, при этом даже не вскрикнув. Сунула в рот загрубевшие пальцы и, вынув отколовшийся зуб, зажала его в кулаке.

– Дура, – бросил Зажим, наматывая на кулак волосы зэчки. Ее голова болталась, как надетая на палку картонная коробка.

– Не надо, – пискнул Сава. – Пожалуйста!

Приблизив к женщине свое багровое от бешенства лицо, Зажим предупредил:

– Еще так сделаешь, вырву ноги. Будешь ползти на руках.

– Зажим... – начал Ходжа, но, наткнувшись на ледяной взгляд уголовника, прикусил язык.

– Мне плевать, зачем вы нужны Доктору. За то, что он вызволил меня, я сам с ним рассчитаюсь, это мой головняк, – цедя слова, пояснил Зажим. – Но если хоть какая-то шваль из вас будет мне мешать, я закопаю ее живьем.

Он вытер плевок с лица и брезгливо размазал его по грязным волосам женщины.

– Вставай, шлюха.

Женщина медленно выпрямилась. От удара ее нижняя губа мгновенно вздулась, подбородок блестел от крови, но она, казалось, совершенно не обращала на это внимания. Из рта выскользнул язык, торопливо слизывая кровь. Рот растянулся в идиотской гримасе, безжизненной и холодной.

Зажим брезгливо смотрел на нее.

– Эй, смотрите! – послышался дрожащий голос Савы. Он стоял перед старой сосной, пристально разглядывая свежую зарубку. Ходжа метнулся к зэку, коснулся рукой желтоватого среза. Понюхал пальцы, испачканные древесной крошкой.

– Совсем недавняя, – определил он, отряхивая ладонь. Повернулся к Зажиму:

– Надо идти. И это, как его...

– Что «это»? – резко спросил Зажим, не выпуская из пальцев волосы уголовницы. Ходжа указал на кровь, которая продолжала сочиться из разбитой губы женщины.

– Ни к чему нам лишние следы. Ни кровь, ни сопли, ни ссанье. Собаки враз все учуют.

Приблизившись к зэчке, он подмигнул ей.

– А если что, бить можно в живот. На теле много мест, где кулак не оставляет следов. Да, цыпа?

Ухмылка на лице заключенной стала еще шире.

«То ли издевается, то ли и вправду конченная дура», – подумалось Зажиму, и в какой-то миг ему, матерому уголовнику-рецидивисту, убийце, стало неуютно. Он разжал пальцы, высвобождая сальные волосы женщины. У него возникло ощущение, что он смотрит на старую, облепленную паутиной дверь в заброшенном подвале, сквозь щели которой тянет стылým холодом. Что там, за этой дверью?

И вообще, кто эта ненормальная? Куда ее везли вместе с ними в «стакане»?!

Впрочем, сейчас времени для вопроса не было. Возможно, он получит ответы на эти вопросы. Зажим не без труда заставил себя отвести от нее взгляд.

– И все равно я не въезжаю, – угрюмо сказал он. – Почему тот, кто за нас впрягся, сбежал? Почему не дождались нас?

Ходжа пожал плечами:

– Значит, свой интерес был. Может, пацаны светиться не хотели перед нами. Доктор же написал в маляве: «Жду возле Сирени». Все, баста. Айда, шевелим булками.

С этими словами он пихнул в бок Носа.

Мутные глаза-монетки зэка замерцали. Словно припустил дождь, и вода в луже, на дне которой лежали эти самые монетки, слегка очистилась.

– Снимите это, – мягко сказал он, поднимая закованные в наручники руки. – Мне неудобно в них идти.

– Да щас, разбежался! – заржал Ходжа. – Может, еще массаж сделать? Внутренний?

Нос терпеливо ждал, не убирая руки, и Ходжа влепил ему подзатыльник. Только после этого, недовольно поведя плечом, Нос зашагал в чашу.

Зажим развернулся к женщине:

– Пойдешь сама или мне выбить тебе еще один зуб?

Не дождавшись ответа, он схватил заключенную за плечо и сильно сжал его. Несчастная вскрикнула, и Зажим с удовлетворением кивнул.

– Вот и хорошо. Учись быть послушной.

Женщина зашаркала ботинками со стоптанными каблуками, шелестя травой.

– А ты что встал, валенок? – прикрикнул Зажим, глядя на замершего Саву.

Толстый зэк отвел взгляд. В его глазах стояли слезы, и он не хотел, чтобы уголовник это видел.

* * *

Через полчаса они нашли еще одну зарубку. Ходжа долго и придиричиво разглядывал рубец на стволе тополя, потом, зачерпнув горсть земли, густо замазал его.

– Если собака возьмет след, это не поможет, – осмелился высказать свое мнение Сава. – Тем более земля скоро высохнет и...

– Если бы у бабушки были бы рога, она бы стала трамваем, – не дал ему договорить Ходжа. Он отошел на пару метров, критически разглядывая результат своей работы.

– На вкус дерьмо, но мажется хорошо, – пробормотал он. – Ну хоть как-то замаскировали. Ладно. Передохнем три минуты и дальше.

Он посмотрел на Зажима, который появился из-за кустов, застегивая ширинку. На матери старых брюк в паховой области темнело влажное пятнышко. Зэк окинул мрачным взглядом тополь, задержав взгляд на лепешке грязи.

– И долго нам так шарахаться? – недовольно поинтересовался он. Шлепнул дубовой ладонью по шее, убив присосавшегося комара. На блестящей от пота коже с чумазыми разводами остался ярко-красный кружок. – Глотка пересохла, пить хочу.

– Да и я бы сейчас кваску навернул, – вторил ему Ходжа, нервно облизнув сухие губы. – А еще лучше пивасика.

– Хрена с два тебе тут пивасик обломится, – сдвинул брови Зажим. – Я, может, тоже хочу булочку с маком да девочку раком!

– Хм... булочки тут не вижу, а баба есть, – сально улыбнулся Ходжа, показывая на женщину. Зажим брезгливо скривил губы:

– Не в моем вкусе. Эх, хоть бы ручей какой попался!

Сава вздохнул, пробубнив что-то невнятное.

– Че ты там пукнул, ущербное? – окликнул его Ходжа.

Сава откашлялся и поправил очки.

– Я хотел сказать, что если поблизости нет водоема, нужно поискать низины или холмы... У... в общем, у подножий часто можно найти воду. Также можно выкопать ямку...

Эк говорил сбивчиво и нерешительно, словно заранее был уверен, что его слова не будут приняты во внимание.

– И еще... В крайнем случае можно использовать обычную траву. Положить ее в пакет, завязать узлом и положить на солнце. Из-за солнечных лучей в пакете появится влага. Понимаете? Пакет также можно завязать на листьях дере...

– Валенок, у тебя что, есть пакет? – прервал его Зажим.

Сава замотал головой.

– Тогда не хрен трепать помелом, – заключил уголовник. – Иди копай яму.

– Яму? – растерянно повторил Сава и, словно ища поддержки, повернул голову к женщине, но едва ли она слушала их разговор. После того как Зажим ударил ее, она вообще не проявляла какого-либо интереса к происходящему, равнодушно пялясь куда-то в чащу.

– Конечно, яму. Сам сказал, в яме вода, – вмешался Ходжа. – Я тоже по «ящику» видел. Там арабы заставляли верблюдов в пустыне воду искать, и те рылами песок разгребали.

– Да, но... даже если мы найдем на дне ямы воду, ее нужно очистить, – торопливо проговорил Сава. – Воду нужно хорошенько прокипятить. Мы же не будем разжигать сейчас костер, когда нас наверняка уже начали искать?

– Знаешь, толстяк, вот гляжу я на твою хитрую рожу и думаю, что больше всего ты хочешь, чтобы нас нашли, – сквозь зубы произнес Зажим.

Сава раздражал его, и он даже не пытался скрывать своего отношения к неопрятному грузному эку.

Плечи Сава сторбились, и он понуро опустил взгляд.

– Придется делать фильтры, – выдавил он. – Как минимум из песка, мха и гравия. Для этого нужно соорудить треногу. Нужны тряпки, куда насыпать все это...

– Все, заткнись, – устало сказал Зажим. – Достал уже. Ученый-копченный, бляха-муха.

Сава умолк. Поискав глазами, он присел на корточки и кряхтя выковырял из земли крупный камень. Найдя еще поменьше, он ударил по нему тем, что побольше.

– Совсем сбрендил, – сказал Ходжа, скептически наблюдая за мужчиной. – Ты что, думаешь, что вода из камня потечет?!

Зажим хмыкнул:

– Не-а. Он стрелы будет делать, как бибизяны первобытные.

Все это время Нос сидел, прижавшись спиной к облепленному мхом пню, безучастно наблюдая за происходящим. На худом небритом лице застыло каменное выражение, а его глаза полусонно щурились, лишь изредка вспыхивающие в них крохотные искорки свидетельствовали о том, что заключенный внимательно следит за всем, что творится вокруг, ничего не упуская из виду.

Где-то вдали раздалась дробная трель дятла.

Ходжа оживился, повернув голову на звук.

– Интересно, он свою бабу так же трахает, как клювом букашек долбит? – осведомился он, почесав подмышку. – Прикидываю, сколько раз он кончить может за минуту!

Зажим посмотрел на уголовника как на умалишенного.

– Мне бы твои проблемы, Ходжа, – обронил он. – Ладно. Пора двигать.

– Парни, постойте, – послышался голос Сава.

Зэки обернулись.

Сава, отколов от маленького камня кусок треугольной формы, встал у молодой березы. Приставив осколок к стволу дерева, он, словно молотком, ударил по нему плоской стороной крупного камня, ловко вгоняя острие под кору.

Ходжа и Зажим переглянулись.

– Березовый сок хотя бы очищать не нужно, – вытирая пот со лба, произнес Сава.

Уголовники приблизились к дереву. Из надреза выглянула прозрачная капля. Повисев секунду на осколке камня, она, блеснув на солнце, сорвалась в траву.

Зажим мгновенно приник к березе, жадно раскрыв рот.

– Ешь вода и пей вода, – засмеялся Ходжа. – И срать не будешь никогда! Оказывается, не такой уж ты и валенок, Сава!

Толстый зэк смутился.

– Конечно, самый лучший сок ранней весной, – словно извиняясь, сказал он. – Но... что есть, то есть.

Таким же способом Сава сделал еще одну насечку с другой стороны ствола. Зэк успел лишь присесть перед драгоценным источником влаги, как неожиданно откуда-то издалека донесся мерный шум. И доносился он с воздуха.

Сава застыл на месте. Не прошло и секунды, как его мозг, словно принтер, выкатил лист с одним-единственным словом: «вертолет». Он с надеждой задрал голову.

Шум приближался, уже слышались характерные звуки работающих лопастей винтокрылой машины.

«Плюх-плю-плюх!..»

Зажим, посерев от страха, прижался к березе.

– Тихо, – прохрипел он. – Всем молчать! Глотку перегрызу, если что!!

Ходжа вытер грязной рукой губы, поблескивающие от березового сока.

Вертолет постепенно удалялся, и вскоре все стихло.

– Все, привал окончен, – хмуро проговорил Зажим. – Подъем – и вперед.

Сава с сожалением взглянул на сочившийся из надреза сок – он даже не успел утолить жажду. Обмакнул подушечку толстого пальца в прозрачную дорожку, лизнул. С губ сорвался вздох.

– Шевелись, – бросил Зажим, толкнув его в плечо. Сава вжал голову в плечи и безропотно поднялся на ноги.

Никто из них не заметил, как Нос ухмыльнулся, обнажая обломки почерневших зубов.

* * *

Спустя 5 часов

– Слышь, Ходжа!

Зэк, идущий первым, оглянулся. Зажим толкнул Носа, следовавшего за Ходжой.

– Ну?

– А почему тебе такое погнало дали?

Уголовник ослабил:

– Про Ходжу Насреддина слышал?

– Ясен хрен.

– Ну и вот, – ответил Ходжа и отвернулся, продолжив путь.
Зажим хрипло хохотнул.

– Насреддин, говоришь? Так тот вроде еще тот перец был. Нае...л всех подряд, даже главных беков, падишахов и прочих всяческих фраеров.

– И что? – вяло отозвался Ходжа, словно чувствуя подвох.

– А ты тормоз. И тупишь постоянно.

Ходжа криво усмехнулся. Он не хотел отвечать Зажиму. Этот крепкий, прожженный жизнью эк напоминал ему гранату с выдернутой чекой, которую сжимали уставшие исцарапанные пальцы. Только рука дрогнет, все, всем кобздец. Вот если бы такое сказал Сава или Нос...

– Ходжа Насреддин был уважаемым пацаном, – продолжал развивать свою мысль Зажим. – И себе на уме. А ты халявщик. Понтов до кучи, а в реале – гулькин хер. Трешься там, где для собственной шкуры теплей.

Ходжа глубоко вздохнул, пытаясь держать себя в руках. Если бы они сейчас сидели в хате в присутствии других эк, едва ли Зажим позволил бы себе подобный базар. Потому что за каждое слово нужно уметь держать ответ. Но сейчас... сейчас ситуация была несколько иная. А вступать в прямой конфликт с Зажимом, который физически сильнее его, он не осмеливался.

Ходжа исподлобья взглянул на заключенную, которая молча брела рядом с Зажимом. Он нахмурился. Мимолетная тень воспоминаний скользнула где-то в глубине сознания, и он мучительно размышлял, что бы это значило.

И вдруг его передернуло, словно он случайно коснулся оголенного провода во время починки розетки.

Где-то он видел раньше эту бабу. Стопудово.

Вот только где?! И при каких деталях?

Эк встряхнулся, словно собака, вылезшая из воды на берег.

– Вон еще одна зарубка, – где-то слева, развеивая его воспоминания, проклюнулся голос Савы. – Это, кажется, восьмая по счету.

Зажим недоверчиво оглядел громадную сосну, сплошь покрытую застарело-белесыми потеками смолы.

– Да и пес с ней, с зарубкой, – мрачно произнес он. Он выглядел измотанным. – Мы уже тут целый день крутимся, как хомяки в коробке. И все зря. По кругу, наверное, ходим.

– Нет, – покачал головой Сава и вытянул руку, указывая куда-то поверх деревьев. – Смотрите на солнце. Видите, где закат? Мы идем прямо.

– И что? – повысил голос Зажим. – Кто ответит, что эти зарубки Доктор вообще делал?! Может, тут егерь местный деревья метит?! Или охотники?!!

Сава сконфуженно замолчал.

Ходжа устало сел в траву.

– Зажим, сбавь обороты. У нас че, выбор есть? Хочешь, можем обратно на дорогу вернуться. Там нас ждут, причем с радостью. И напьешься, и наешься до пуза... «А в тюрьме шас ужин... Макароны!» – процитировал он Али-Бабаевича из «Джентльменов удачи».

И без того землистого цвета лицо Зажима потемнело еще больше.

– Борзеешь, Ходжа?!

Он скрипнул зубами и, тяжело волоча ноги, приблизился к эку.

Ходжа почувствовал, как по спине заструился ручеек холодного пота.

– Нет, Зажим. Но и ты не беспредельничай. Тут все равны.

Рот Зажима разъехался в жуткой улыбке, словно могильная яма.

– Угу. Прости, босяк, спорол косяк. Про равенство вспомнил? Что ж ты тогда с Носа «браслеты» не снимешь? Что ж ты тумачи Саве отвешиваешь и бабу за сиську щиплешь? А? Твоя она, что ли?

– Слушайте... – тихо позвал Сава.

– Зажим, тебе есть что мне предъявить? – клокочущим голосом поинтересовался Ходжа. Два чувства с попеременным успехом воевали внутри уголовника – униженное чувство достоинства и страх перед отмороженным уголовником.

В конце концов.

Какого хрена???

Зажим такой же зэк, как и они все. Включая эту сумасшедшую с разинутым хлебалом, как у дохлой рыбины.

– Парни, там... – снова заговорил Сава. Взмахнув рукой, он попятился назад, упершись спиной в старую поваленную ель.

Зажим повернул голову, вздрогнув. Не может быть!

Сквозь стволы деревьев едва уловимой тенью мелькнул силуэт человека.

– Кто это?! – прошептал Сава.

Нос покачал головой. Веки уголовника были полностью прикрыты, как плотные шторы. Казалось, Нос спал стоя.

– Доктор? – неуверенно проговорил Зажим, неизвестно к кому обращаясь. – Или... легавые?

– Если бы это были легавые, мы сначала бы их псов услышали, – шепотом отозвался Ходжа.

Зажим сделал шаг вперед, внимательно вглядываясь в чашу.

Тишина.

Ходжа нервно хихикнул, пытаясь снять напряжение:

– А может, это человек Доктора? Так сказать, нас сопровождает... тем более до Сиреневого озера уже немного осталось.

Зажим сфокусировал на нем злобный взгляд.

– И че?!

– Так в маляве написано...

– Срал я на маляву, – отчеканил Зажим. – Может, кто-то ушлый его почерк подделал! Я не в курсах, за каким хреном он решил нас вытащить! Куда и на кой черт мы премся?! Да еще с двумя психами?!

Ходжа поднялся на ноги, отряхивая штаны.

– Надо идти, – вымученно произнес он. – Другого выхода нет. Будем сидеть на месте, нас рано или поздно возьмут легавые. Они уже наверняка идут по следу.

– Пошли, – не стал спорить Зажим. Он потянул за собой женщину, но она не шелохнулась.

– Домой, – едва слышно выдавила она. – Домой.

Зажим схватил ее за подбородок. Другой рукой он раздвинул губы уголовницы, засовывая грязные пальцы ей прямо в рот.

– У тебя еще много зубов, – едва сдерживая себя, заговорил он. – Или лишние появились? Так я жас пересчитаю. Мне это за просто, шалашовка¹¹.

Женщина застонала. Ее руки мелко затряслись, заключенная словно очнулась от ужасного сна и теперь пыталась всеми силами стряхнуть с себя остатки кошмара.

– Зажим... Не мучай ее, – дрожащим голосом попросил Сава. – Зачем тебе это?!

Глаза зэчки неожиданно наполнились слезами, и Сава отвернулся.

– Ну и мудачье... Связался с вами, геморройными... – сипло проговорил Зажим. – Тьфу. Противно даже смотреть на вас. Все равно что в коровьем дерьме извальяться.

---

¹¹ Женщина легкого поведения (*жарг.*).

– Зажим! – позвал Ходжа. Отойдя на несколько метров, он присел на корточки и, разбирая валежник, возбужденно присвистнул. – Тут что-то есть! Мать моя на лыжах! Помнишь, Доктор про грев¹² в маляве писал?

Отбросив в сторону несколько веток, он извлек наружу вещевой мешок цвета хаки. Отряхнул от грязи и взвесил в воздухе.

– Тяжеловат, – определил Ходжа, перехватив взгляд Зажима.

– Ну, чего забуксовал? – сказал тот. – Вскрывай!

Грязные пальцы Ходжи ухватились за шнурок, стягивающий горловину вещмешка.

– Парни, а вдруг это ловушка? – встревоженно заговорил Сава. – Может, там взрывчатка внутри!

Зажим недобро покосился на мужчину и презрительно фыркнул:

– Значит, Доктор нас вытащил, чтобы потом взорвать к херам собачьим? И превратить в фарш? Лаж.

На всякий случай Сава сделал пару шагов назад, словно невзначай встав за сосной, на которой была сделана зарубка.

Ходжа быстро развязал рюкзак и, секунду помедлив, вывалил его содержимое прямо на землю. Зажим одобрительно кивнул, его глаза загорелись победным огнем.

– Ну вот! Это я понимаю, – воскликнул он, глядя, как Ходжа жадно перебирал продукты. Несколько пластиковых бутылок с водой, рыбные консервы, тушенка, хлеб, толстый шмат сала, завернутый в промасленную бумагу, горчичный порошок, зеленый лук, огурцы и крупная хрустящая соль в спичечном коробке.

Ходжа озадаченно повертел в руках упаковку горчичного порошка.

– На кой ляд нам это? – недоуменно проговорил он. – Доктор че, в натуре думает, что мы это жрать будем? Или горчичники друг другу на задницы лепить?

Сава откашлялся, и Зажим бросил на грузного зэка пыливый взор:

– Ну, че кряхтишь? Запор мучает?

– Гм... Я думаю, порошок для того, чтобы сбить со следа собак, – осмелился предположить Сава.

– Да? – недоверчиво спросил Ходжа. Надорвав упаковку, он понюхал, после чего чихнул.

– Это самое простое. Перец, табак, – пояснил Сава уже уверенней. – А вообще есть масса средств, чтобы запутать след. Очень хороша калиевая селитра, хлорная известь. Еще можно использовать нафталин и борную кислоту. Иногда...

– Все, заткнись, – перебил его Зажим. – Шарабан¹³ от тебя уже трещит.

– Может, в карманах что-нить полезное? – пробормотал Ходжа, ощупывая вещмешок. – Точно, есть!

Через секунду из карманов были извлечены перочинный нож и фонарь. Ходжа радостно потер руки.

– Хороший подогрев, – сказал он, откупоривая одну из бутылок и делая долгий глоток. – Витамин «цэ» – сальце, маслице, винце... Доктору мерси за это!

– Можно и мне попить? – нерешительно проговорил Сава. Он протянул руку к бутылке и, отвинтив крышку, сделал глоток. В следующее мгновение зэк поперхнулся, сплюнув жидкость. Глаза Савы вылезли из орбит, а мясистое лицо залилось краской.

– Че плюешься, валенок? – спросил Ходжа. Он бесцеремонно выхватил у Савы бутылку, принялся.

– Ого! Да тут не только вода, Зажим! Чистая спиртыга! – воскликнул он, протягивая Зажиму бутылку. Тот подозрительно понюхал, сделал осторожный глоток и закашлялся.

---

¹² Продукты, деньги и прочее, поступившее в ИТК для поддержания заключенных (*жарг.*).

¹³ Голова (*жарг.*).

– Жарит, Зажим? – любопытствовал Ходжа. – Ну как? Хорош?

– В самый раз, – отдышавшись, ответил зэк. Забрав у Сава пробку, он закрыл бутылку. – Закидывай все обратно.

– Это зачем? – недоуменно вскинул брови Ходжа.

– Канаем дальше. Не хрена прохлаждаться, уже темнеет.

– Что, даже не пожрем?!

– Не пожрем, – отрезал Зажим. Перед глазами замаячила странная фигура, увиденная недавно в чаще, и по коже пробежался озноб, вздыбливая волосы на руках, отчего заключенного охватила злость, причем в большей степени на себя самого. За то, что в какой-то миг ему стало не по себе.

А бояться он не привык.

«Это все шняга, – успокаивал он сам себя. – Мы устали и хотим жрать. Зато я на воле, а это главное. Не сегодня завтра увидимся с Доктором, и вся эта голимая шняга останется позади».

– Дойдем до озера, – отрывисто сказал Зажим вслух. – Там и пожрем. Ничего, с голодухи не помрете.

Ходжа хотел возразить, но увидев, как яростно сверкнули глаза зэка, умолк. Вздохнув, он с явной неохотой принялся засовывать продукты обратно в рюкзак.

Треснула ветка. Зажим поднял глаза, уставившись на Сава, который робко переминался с ноги на ногу.

– Чего тебе? – процедил Зажим. – Еще спиртогану накатить хочешь, валенок?

– Зажим, только не кипятись, – заговорил Сава. – Просто выслушай, а потом принимай решение, ладно?

Зажим усмехнулся.

– Ходжа, взгляни на его хитрое рыло, – сказал он. – Видать, чего-то задумал, чтоб я лопнул.

– Ну, излагай, – поторопил толстого зэка Ходжа. Он уже почти полностью собрал вещмешок и теперь возился с пуговицей, пытаясь застегнуть карман.

– Взгляните туда, – сказал Сава, указывая пухлым, как сарделька, пальцем в небо. – Видите? Максимум через полчаса солнце сядет. В лесу ночь наступает быстрее.

– Это все, что ты высрал? Ходжа знает дорогу, – сказал Зажим. – Фонарь есть. И вообще...

Он подошел к Саве, застывшему словно столб.

– Какого рожна я должен что-то доказывать тебе, ущербный? – осведомился Зажим. – Шибко умный? Так дай своего мозга, жопу помазать. Уйди с дороги.

Сава отступил назад, примирительно подняв руки, словно сдаваясь.

– Зажим, я ведь предлагаю как лучше. В лесу легко заблудиться. Мы все устали, все-таки весь день на ногах. Ты хоть и крепкий, но тоже устал. Правда? – тихо произнес он. – Если я правильно понял, до Сиреневого озера еще километров десять. Здесь сплошной бурелом, за час мы пройдем всего ничего. Потом наступит ночь. Если мы не найдем дорогу, нам придется устраиваться на ночлег.

Зажим размышлял, плотно сжав губы.

– А знаешь, Зажим, ведь валенок прав. Как ни странно, – зевнул Ходжа. – Я вот, к примеру, еле-еле ходули переставляю. Вымотался, как ишак. И жрать хочется.

– Наверняка Доктор сам хотел, чтобы мы тут остались, – снова заговорил Сава. – Иначе зачем ему оставлять нам рюкзак с провиантом?

Зажим повернулся к Саве. Ухватившись за измятый, засаленный воротник куртки, он притянул зэка к себе.

– А как же легавые? Они ведь у нас на хвосте! Или ты этого и хочешь?! Ну, скажи!

Сава сглотнул комок слюны, густой и горьковатый.

– Зажим... если они взяли след, то совершенно неважно, насколько мы удалились. Настигнут они нас здесь или через пять километров, какая разница? И потом, мы ведь можем спрятаться.

Зажим засмеялся, и Саве почему-то подумалось о гремучей змее, точнее, о трещетке на конце хвоста ядовитого пресмыкающегося.

«И то и другое наверняка звучит одинаково», – решил он про себя, и его охватил парализующий страх. Этот жестокий, ненавидящий все и вся зэк пугал его не на шутку.

– Мы перекантуемся здесь, – сказал Зажим, перестав смеяться. Его небритое лицо было серьезней некуда. – Но не потому, что ты убедил меня. А потому что я сам так решил. Усек, валенок?

Сава закивал.

– Конечно, Зажим. Никаких проблем, – ответил он, выдавливая из себя жалкую улыбку. – Нужно осмотреться и найти место для ночлега...

– Угу. Подойди сюда, толстяк.

Сава вздрогнул:

– Зачем?

– Иди сюда, сказал! – рыкнул Зажим.

– На твоём месте я бы послушался, – посоветовал Ходжа, вновь развязывая рюкзак. После заявления Зажима о ночлеге настроение зэка заметно улучшилось.

Делая семенящие шажочки, Сава боязливо приблизился к Зажиму. Уголовник вынул из кармана перочинный нож, который забрал из вещевого мешка.

– Если нас найдут легавые, ты на чьей стороне?

Лицо Савы побледнело.

– Конечно, с вами, Зажим.

– Смотри в глаза.

Сава несмело поднял голову.

– Ты не с нами, – холодно произнес Зажим. – Твоя жирная харя – лучшая доказуха. Ты как книжка, валенок. Тебя даже спрашивать не надо, все на морде написано. Ради УДО готов кому угодно жопу лизать.

Сава икнул, непроизвольно отступив назад.

– Поэтому слушай. Если нас накрывают и ты побежишь к легавым, я перережу тебе глотку. Понял меня?

Подцепив грязным ногтем лезвие, Зажим раскрыл нож и вытянул его вперед, плавно помахивая из стороны в сторону. Глаза Савы расширились.словно загипнотизированный, он в замороженном безмолвии следил за мелькающим из стороны в сторону лезвием.

– Не слышу ответа.

– Зажим, я никогда... то есть... вы для меня как братья, – забормотал Сава. – Я...

– Ты мне не брат, гандон, – сказал Зажим брезгливо. У зэка было такое выражение лица, словно он смотрел на полураздавленную жабу, которая все еще пыталась куда-то ползти, несмотря на то, что ее внутренности вылезли наружу и волочились следом за ней. – Запомнил?

Сава отвел взгляд.

– Иди, ищи место, где будем кемарить.

Пухлый зэк скрылся в чаще, а Зажим наклонился над сидящей в траве женщиной.

– Надеюсь, ты себя будешь хорошо вести? И мне не придется тебя наказывать.

– Домой, – безликим голосом произнесла она.

Ходжа отломил кусок хлеба и, жуя, встал рядом.

– Так ты и так домой идешь, курица, – залился лающим смехом Зажим. – Разве не узнаешь дорогу?

Уголовница медленно повернула голову. В ее выпученно-рыбьих глазах скользнула едва уловимая тень понимания.

– Нет. Я... я не живу тут.

Ходжа прыснул, изо рта полетели хлебные крошки.

– У нее еще и с памятью нелады, – хрюкнул он. – Слушай, Зажим. Че-то мне подсказывает, что я где-то видел эту шмару. А у меня память хорошая.

– Зэня, – тихо проговорила женщина.

– Как тебя зовут, курица? – спросил Зажим.

– Домой, – всхлипнула она. Зэки покатались от смеха.

– Это мы уже слышали, – отсмеявшись, сказал Зажим. – Имя у тебя есть, тупица? Ну?!

Он ударил ее по щеке.

– Говори, сука!

Женщина тупо смотрела на Зажима, но уголовник готов был поклясться, что взор сумасшедшей был направлен куда-то сквозь него, и это еще больше распалило его.

– Как тебя зовут?! – прорычал он, отвечивая ей очередную пощечину. Голова зэчки откинулась назад, из многотрадальной губы снова брызнула кровь.

– Как? Как тебя зовут?!!

Он ударил ее снова, но женщина даже не пыталась закрыть лицо. Она тяжело и хрипло дышала, затравленно глядя на своего истязателя.

– Зажим, поаккуратней, – осторожно заметил Ходжа. – Ненароком убьешь дуру.

– Не-а. Такие шизанутые крепкие, – возразил Зажим, немного остынув. Взявшись за ворот темно-синей блузки женщины, он рванул вниз. Полетели пуговицы, стал виден засаленный лифчик, покрытый желтыми разводами.

– Оле... – прошептала разбитыми губами женщина.

Зэки переглянулись.

– Че она сказала? – не понял Ходжа.

– Оле... – повторила уголовница. Ее лоб прорезали глубокие морщины, будто она отчаянно пыталась что-то вспомнить. – О...

– Але, короче, – ухмыльнулся Зажим. – Значит, будем называть тебя «Але». Але, гараж!

Ходжа визгливо рассмеялся. Глядя на них, женщина выдавила растерянную улыбку, и зэки, увидев это, захохотали.

В десятке метров от них в зарослях стоял Сава. Немигающим взглядом он наблюдал отвратительную сцену, скрипя от ярости зубами. Эх, если бы он мог...

«Твари».

Понуро развернувшись, он поплелся в чащу, спотыкаясь о ветки и корни старых сосен. Под подошвами поношенной обуви хрустели прошлогодние листья и валежник. Присмотревшись, Сава нагнулся, счищая со шляпки сыроежки сосновые иглы.

«Если с едой возникнут проблемы, можно будет собрать грибы».

Над ухом жажжал комар, и зэк хлопнул себя. При взгляде на пролетающего мимо кровососа его охватило уныние. Как там его называли Зажим с Ходжой? Валенок?

Лучше не придумать. Конечно, он валенок, если даже не может прихлопнуть какого-то летающего засранца.

Ворча себе под нос, Сава двинулся дальше.

Неожиданно правая нога зэка провалилась в пустоту, и он едва удержался от крика. Посмотрел вниз – ботинок увяз в свежем лапнике. Упершись руками в землю, Сава осторожно высвободил ногу и приподнял ветки, пахнущие свежей смолой. Под ними темнели уложенные в ряд грубо отесанные стволы молодых деревьев. Что это? На ловушку вроде не похоже...

– Землянка? – пробормотал потрясенно Сава. Он отполз в сторону, выискивая глазами вход. Кажется, вот там внизу чернело отверстие, да и бревен уже не было...

Отдуваясь и кряхтя, зэк принялся освобождать проход от веток. Когда это было сделано, он с опаской заглянул внутрь. Пахло сыростью и прелой травой. На нос, надсадно жужжа, сел очередной комар, и Сава фыркнул, прогоняя насекомое. Приглядевшись, он увидел сложенные в углу одеяла.

Здесь вполне хватит места для всех. По крайней мере, на эту ночь.

– Главное, чтобы не было дождя... – озабоченно пробубнил зэк. Он вылез обратно.

Возвращаться назад не хотелось. Что его там ждет? Оскорбления, издевательства и тычки. А еще он не мог смотреть, как обращались с этой несчастной...

Сава смахнул слезу.

Он прошел еще несколько метров вперед, при этом поглядывая по сторонам, чтобы запомнить ориентиры землянки. Беглый зэк с наслаждением втянул лесной воздух.

Несмотря на все происходящее, в какое-то крошечное мгновение Сава был счастлив. Пусть он сбежал. Пусть он в окружении полных отморозков, которые буквально истекали желчью и ядом... *«Ну, кроме той женщины»*, – поправил он себя мысленно. Но он на свободе. Он дышит свежим вечерним воздухом. Он видит небо!

Погруженный в размышления, Сава брел вперед. Внезапно деревья перед ним расступились, и растерявшийся мужчина оказался на небольшой полянке. Он сделал еще пару шагов, не веря собственным глазам.

– Как ты думаешь, этот тюфак про горчичный порошок правду говорил? – спросил Зажим у Ходжи. – Или туфту втирал?

– Я так мыслю, что Сава прав, – ответил зэк. – Он вообще котелком варит. Жаль, выдержки у него нет. Яйца-то слабоваты.

– Тогда возьми эту хрень, вернись метров на сто назад по дороге, что мы шли, и рассыпь. Может, и правда толк будет. Не думаю, что Доктор рассчитывал, что этот порошок мы жрать будем, – сказал Зажим. Он стоял спиной и не видел, как сзади неслышно приблизился Нос. Ходжа многозначительно посмотрел на Зажима, кивнув в сторону леса, и тот обернулся.

– Ну фто, бродяги? – произнес Нос, подмигнув. – Все путем?

Зажим смерил уголовника оценивающим взглядом. Он никак не мог определить для себя, как относиться к этому щербатому зэку. На авторитета не похож, но и на простого «мужика» тоже вроде не тянул. И это не нравилось Зажиму. Он всегда привык иметь дело с тем, о чем имел представление, а его нынешние невольные спутники – Нос и эта чокнутая замарашка с вечно открытым ртом – категорически не желали «вскрываться». Эти двое были схожи с двумя упрямыми замками, с которыми никак не могла справиться фомка. Впрочем, баба уже начала поддаваться. Да и вообще, что с дуры возьмешь. А вот Нос... Глядя на него, Зажим неосознанно представлял себе туманную ночь, сквозь плотную завесу которой едва проклевывался тусклый фонарь.

Ну ничего. Всему свое время. Доберется он до этого фонаря. А если надо, растопчет его, как никчемную склянку.

– Пацаны, снимите с меня это железо, – между тем продолжал Нос, вытянув вперед закопанные руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.